

Песнь о

Денис Нивакшенов

Песнь о проклятом

<https://litres.ru/74300489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не сказка это, а быль горькая. Быль о том, как Ратибор из рода хоробрых, наделенный силой самого Ярилы-Солнца, по гордыне своей навлек на себя кару грозного Велеса. Отныне его богатырская стать – проклятие, а длань, данная для защиты, несет гибель всему живому.

Изгнанный из родных селений, пускается он в странствие по краю Яви и Нави, где древние духи испытывают его, а чудовища славянского бестиария чуют в нем свою погибель. От Гридневых Камней до Царства Кощеева ведет его стезя, ибо лишь пройдя через мрак, сможет он обрести силу для последней жертвы.

Его ждут битвы с Волколаком, искушение Морены и тайна Алатырь-камня. Но главная битва ждет Героя в собственной душе, разрываемой между яростью божественного дара и тяжестью вечного проклятия. Сумеет ли воин искупить вину, когда сама его жизнь стала орудием возмездия богов?

Содержание

Глава 1: Ярь	4
Глава 2: Тень на Пиру	11
Глава 3: Отказ	18
Глава 4: Святотатство	25
Глава 5: Роковой Толчок	32
Глава 6: Голос Бога	38
Глава 7: Путь Изгоя	43
Глава 8: Шёпот Кикиморы	49
Глава 9: Кровь Волколака	56
Глава 10: Переправа Забвения	62
Глава 11: Каменные Стражи	70
Глава 12: Лесной Наставник	74
Глава 13: Навьи у Порога	80
Глава 14: Пробуждение Камня	87
Глава 15: Воевода Тлена	92
Глава 16: Битва с Тленом	98
Глава 17: Камень Судеб	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Денис Нивакшенов

Песнь о проклятом

Глава 1: Ярь

Степь дышала предрассветным холодом, и туман, будто стадо бледных призраков, застыл в распадках меж курганов. Воздух был густ и звонок, пах полынью, перестоявшей травой и далёким дымом чужих костров. В этой звенящей тишине, где каждый шелест ковыля был слышен как стон, замерла дружина Ратибора. Два десятка воинов, облитых свинцовой росой, они вплавились в рельеф земли, став подобием ещё не остывших валунов. Их шлемы и кольчуги, посеребрившие от влаги, не выдавали ни единым бликом затаившееся внутри железо.

Ратибор стоял впереди всех, опёршись ладонями на тяжёлый меч, воткнутый в землю. Он был недвижим, как идол, высеченный из единого куска плоти и дуба. Спит ли, бодрствует ли – не мог разглядеть ни один из дружинников. Лишь пронзительный взгляд серых очей, устремлённый на восток, туда, где небо начинало тлеть багровой полосой, выдавал в Богатыре живое существо. Внутри же тела, под грудой мускулов и покорной плоти, бушевало знакомое, тревожное пламя. Оно пока дремало, свернувшись клубком раскалён-

ного змея в глубине чрева, и ждало своего часа.

Тело, ещё не тронутое проклятием, помнило каждую битву. Каждый шрам на груди и руках был строкой в кровавой летописи его жизни. Плечи богатыря, испещрённые белыми полосами старых ран, казалось, вобрали в себя всю тяжесть долгих переходов и ярость схваток. Тёмные волосы, собранные в кожаный ремешок на затылке, влажными прядями прилипли к вискам и мощной шее. Он был молод – едва перевалило за второй десяток зим, – но в его лице с резко очерченными скулами и твёрдым подбородком уже читалась не молодая удаль, а суровая, выстраданная решимость.

– Видят, – чуть слышно прошептал у плеча седой дружинник Сновид, не отрывая взгляда от тёмной линии горизонта.

Ратибор лишь кивнул, сжав рукоять меча так, что кожа перчаток затрещала. Из тумана, как из-под воды, начали всплывать тени. Сначала смутные, будто потревоженный ветром бурьян, потом всё чётче, обретая формы всадников на низкорослых, косматых лошадках. Степняки. Их было много, гораздо больше, чем дружинников. Они плыли беззвучно, будто сама Навь выпустила недругов на утренний ветер, и только теперь до слуха долетел приглушённый топот копыт, похожий на отдалённый гром.

Пламя внутри Ратибора дрогнуло и приподняло голову.

– Щиты! – голос, низкий и властный, разорвал тишину, не криком, а подобно удару топора по мёрзлому полену.

В едином порыве дружина встала, и тишину сменил лязг

железа и глухой стук дерева, сбиваемого в стену. Но враг уже летел на них, обрушиваясь с косогора чёрной лавиной. Свист стрел, словно голоса невидимых злых духов, пронёсся над головами, и вот уже первые копья впились в щиты с сухим, щёлкающим звуком.

И началось.

Мир сузился до клочка земли, залитого криками, потом и кровью. Ратибор, как грозовая туча, двигался в центре бури. Его меч, тяжёлый и не знающий изящества, описывал широкие, смертоносные дуги. Каждый взмах – и степняк, облачённый в кожу и роговые пластины, летел с седла с разmozжённым черепом или отрубленной конечностью. Не было в этих движениях ни фехтовальной науки, ни изощрённой тактики – лишь чистая, животная мощь, выверенная тысячами подобных схваток. Он был как стихия, как оползень, сметающий всё на своём пути.

Но враг был многочислен, и стена щитов под напором начала прогибаться. Рядом с Ратибором, сражённый стрелой в шею, с хрипом рухнул молодой воин Любомир. Парень из его же селения, чьи братья пировали с Ратибором за одним столом. Агония исказила его юное лицо, и в широко раскрытых глазах застыл немой вопрос.

И тут пламя проснулось.

Сначала – лишь волна жара, исходящая из самого сердца, будто в груди распахнули дверцу раскалённой кузни. Потом – тонкие, огненные прожилки, побежавшие по внутрен-

ней стороне рук, будто молнии под кожей. Ратибор попытался сдержать его, вжать в себя, как делал это прежде, но вид мёртвого Любомира, этого отрока, чья жизнь утекала в пыль, выжег внутри последние остатки контроля.

Ярь вырвалась на свободу.

По телу, от ключиц до запястий, проступили знаки. Не нарисованные, не выжженные, а явленные из самой плоти и крови. Они светились жидким, расплавленным золотом, как трещины на поверхности тлеющего угля, складываясь в древний, нечитаемый вяз – письма самой жизни. Тепло сменилось нестерпимым жаром; казалось, воздух вокруг Богатыря закипал и трескался.

Сила, дикая и всесокрушающая, хлынула в жилы, вытесняя разум, оставляя лишь первобытный инстинкт уничтожения. Серые глаза вспыхнули изнутри тем же светящимся золотом. Ратибор больше не рубил – он стирал, испепелял.

Вот уже, не уклоняясь, принял на щит удар кривой сабли, и щит не просто раскололся – взорвался щепками, осыпав супостата градом обожжённого дерева. Вот меч, пылая алым отблеском, прошёл через доспехи, плоть и кости двух всадников разом, будто резал воду. Богатырь двигался с невозможной скоростью, и каждый шаг оставлял на земле опалённый след. Степняки, эти бесстрашные дети ветра, впервые застыли в ужасе. Они отшатывались от Ратибора, как от прокажённого, видя в нём не воина, а нисшедшее на землю воплощение гнева их жестоких богов.

Один из всадников, могучий джигит в шлеме с рогами сайгака, ринулся на богатыря с копьём. Ратибор, не смыкая горящих глаз с врага, поймал древко копья на лету. Дубовая жердь обуглилась и рассыпалась в его длани, а сам он, движимый слепым порывом, метнулся вперед и ударил наотмашь. Рука, пылающая Ярью, не просто коснулась кольчуги — она прошла сквозь неё, как раскалённый нож через масло, и воин с рогатым шлемом отлетел на десяток шагов, грудь его была не пробита, а словно выжжена изнутри.

Это была не битва, а избиение. Там, где проходил Ратибор, оставалась лишь груда обугленных тел и смятой земли. Степная орда, дрогнув, побежала, рассыпаясь по степи, как мыши при виде кошки.

Тишина, наступившая после боя, была гуще и страшнее предраассветной. Не слышно было ни стонов раненых, ни звенящего в ушах шума. Лишь треск догорающей травы да тяжёлое, хриплое дыхание самого Ратибора. Золотые знаки на коже медленно угасали, оставляя после себя лишь лёгкую дымку пара и тонкий, сладковатый запах гари, смешанный с медью крови.

Он стоял, опустив руки, и смотрел на поле, усеянное телами. Сила отступала, как вода после прилива, и на смену ей приходила свинцовая усталость и пустота, выскобленная до дна. Ратибор обернулся, встречая взгляды своих дружинников.

Они не отрываясь смотрели на своего предводителя. Вы-

жившие. Те, кого он только что спас. И в их глазах Ратибор прочёл всё, что боялся увидеть. Было там и облегчение, и благодарность. Но поверх всего – животный, первобытный страх. Они смотрели не на своего воеводу, не как на товарища, разделяющего с ними хлеб и соль. Дружинники смотрели как на нечто чужеродное. На стихию, которую нельзя приручить, а можно лишь опасаться. На существо, нарушившее священный порядок вещей, где смерть должна приходить от стали, а не от божественного огня.

Сновид, старый воин, первым преклонил колени, опустив голову. Но это был не жест преданности, а жест поклонения перед идолом, перед грозным и непонятным божеством. Остальные, медленно, словно скованные невидимыми цепями, последовали его примеру.

Ратибор почувствовал, как холодная струйка пота скатилась по позвоночнику. Победа была триумфальна. Враг обращён в бегство. Люди спасены. Но в этой оглушительной тишине, под тяжёлыми взглядами родичей, он впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким. Он был героем, спасителем. Но больше не был своим.

Он поднял голову к небу, где багровая полоса зари разгоралась всё ярче, предвещая новый день. Но для Ратибора солнце вставало под знаком иного света – света его дара, его силы, Яри, что была ему и благословением, и печатью изгоя. И где-то в глубине души, в том месте, куда ещё не добралось пламя, шевельнулся ледяной червь смутного предчувствия.

Этот огонь, что жил внутри, однажды спалит не только врагов.

Глава 2: Тень на Пиру

Возвращение дружины в селение походило не на триумфальное шествие, а на движение похоронной процессии, странным образом украшенной победными атрибутами. Солнце, поднявшееся над степью, не смогло прогнуть свинцовую тяжесть, что нависла над воинами. Они шли, отбивая такт усталыми ногами, и даже лязганье трофейного оружия, притороченного к сёдлам, звучал приглушённо и глухо, будто присыпанный пеплом.

Впереди всех, на вороном коне, ехал Ратибор. Он скинул шлем, и тёмные волосы, слипшиеся от пота и пыли, спадали ему на лоб. Воин сидел в седле прямо, с той же каменной неподвижностью, что и перед битвой, но внутри всё было вывернуто наизнанку. Физическая усталость, знакомая и почти приятная, смешивалась с гложащей тоской. Он чувствовал на своей спине взгляды дружинников – не в спину, а именно на спину, будто он был щитом, за которым они прятались, но который в любой миг мог обернуться и поразить их самих.

Селение встретило войско не бурной радостью, а настоженной тишиной. Сперва из ворот частокола выглянули дети, потом показались женщины, вытирая руки о передники. Мужики, оставившие топоры и плотницкие ножи, сгруппировались у кузни. Все они видели победителей, видели отбитый скот, что шёл позади отряда, но взгляды бежали от лица

к лицу, выискивая не столько радость возвращения, сколько ответ на немой вопрос: какой ценой?

И вот взор десятков пар глаз упёрся в Ратибора. В того, кто всегда был их гордостью и стеной медвежьего частокола. В тишине прозвучал первый, робкий крик:

– Живы! Все живы!

Казалось, чары рассеялись. Селение взорвалось гомоном. Женщины с плачем бросались к воинам, дети хватались за стремяна, старики, ковыляя, шли навстречу, и на их морщинистых лицах проступали слёзы облегчения. Воздух наполнился смехом, вопросами, быстрыми, как щебет птиц, и благодарными возгласами.

Но по мере того как толпа вливалась в ворота частокола, а пир начинал готовиться, что-то начало меняться. Не сразу, не явно. Словно на яркую картину маслом начал медленно напоздать тонкий, почти невидимый слой серой пыли.

Ратибор заметил это сначала по взглядам. Восхищённые, но уже с примесью чего-то иного. Дети, обычно вившиеся вокруг него с просьбами показать меч или рассказать о подвигах, теперь стояли поодаль, широко раскрыв глаза. Они смотрели не на него, а сквозь, будто пытаясь разглядеть того незримого зверя, что прятался внутри.

Мужики, его товарищи по оружию, как положено хлопали по плечу, но прикосновения их были чуть более сильными, чуть более демонстративными, будто проверяли, твердали ещё под кольчугой привычная плоть, а не скрывается ли

там что-то иное. Их смех за его рассказами был чуть громче обычного, а в паузах повисало короткое, неловкое молчание.

И шепоток. Тихий, как шелест сухой листвы. Он полз по селению, рождаясь то у колодца, то у кузни, то в тени житных амбаров.

— ...говорят... одним взглядом испепелил десяток всадников...

— ...Сновид сказывал, будто по коже у него огненные змеи ползали...

— ...сила неведомая, не от мира сего... а всё, что не от мира сего, опасно...

— ...благодать ли это Ярилы или... что похуже...

Такое поведение не было отвержением. Это – тревога. Смутная, неосознанная, но тем более сильная. Люди были благодарны богатырю за спасение, славили его как героя, но их первобытное, языческое чутьё улавливало, что герой этот – иной. Что прикоснулся к чему-то, находящемуся за гранью дозволенного смертным. И это «что-то» теперь жило в нём, и пахло не потом и кровью, а зноем пустыни и озоном после грозы.

Пир начался с закатом. На центральной площадке, у подножия огромного дуба, что считался деревом-пращуром, запылали костры, закрипели рогатины с тушами быков, запенились братины с медовухой. Воздух гудел от разговоров, смеха, залихватских песен. Казалось, сама Явь ликovala, отплясывая в отблесках пламени. Духи предков, призван-

ные дымом жертвенной требушины, благосклонно взирали на пирующих.

Ратибор сидел на почётном месте, на медвежьей шкуре, разостланной у самого дуба. Рядом с ним, как солнце и луна, сидели два человека, чьи присутствия одновременно согревали и терзали богатырскую душу.

Справа – Милана. Дочь Светозара. Его тихая заводь, ненастный свет. Она не бросалась на шею при всех, не осыпала словами. Она сидела, поджав ноги, и её большие, тёмные, как спелая смородина, глаза были прикованы к лицу Ратибора. В них не было страха, который он видел у других. Была тревога. Глубокая, бездонная, как омут лесного озера. Девушка уловила ту тень, что легла на его душу, и эта тень отозвалась болью в её собственном сердце. Под столом тонкие девичьи, прохладные пальцы нашли его руку и сжали в безмолвном вопросе. Этот миг тихого единения был для Ратибора дороже всех победных песен.

Слева – сам Светозар, верховный жрец Велеса. Старый, как сам дуб, под которым они сидели. Его длинные, седые, как зимний иней, волосы спадали на плечи, смешиваясь с такой же седой бородой. Лицо, испещрённое морщинами-рунами, хранило печать мудрости и непоколебимой веры. В глубоких глазницах горели пронзительные, всевидящие очи, цветом похожие на полированный камень. Он сидел неподвижно, облачённый в тёмные, простые одежды, и его длинные, костлявые пальцы медленно перебирали резные дере-

вянные чётки – подарок какого-то далёкого монастыря. Светозар ничего не пил и не ел, лишь изредка поднося к губам чашу с чистой ключевой водой. Он был связью между миром людей и миром богов, и его молчаливое присутствие ощущалось как незримая грань между пиром и храмом.

И вот, когда веселье достигло своего пика, когда скомоорохи начали свои пляски, а гусяры завели новую, удалую песнь о подвигах Ратибора в степи, Светозар поднял голову. Его голос, тихий, но прорезающий гул толпы как отточенный нож, обратился к Ратибору.

– Сказывают, сын мой, ты вновь явил миру лик Ярилы Грозного, – произнёс жрец. В словах не было ни осуждения, ни одобрения. Была констатация. Как если бы он говорил о смене времен года или о направлении ветра.

Ратибор встретил его взгляд. Внутри всё сжалось в холодный комок.

– Я сделал то, что должен был сделать, отец. Я защитил род свой.

– Защита – долг воина, – кивнул Светозар. Его пальцы замерли на чётках. – Но та сила, что проснулась в тебе... она не от мира сего. Она пахнет не потом и сталью, а зноем пустыни и грозой. Дар Ярилы – это ярь, буйство жизни, что заставляет колос тянуться к солнцу, а сердце воина – пылать в бою. Но то, что явил ты... это не рост. Это пожар.

Тишина, возникшая вокруг них, была гуще общей гулкой радости. Казалось, сама ночь прислушалась к словам жреца.

– Я использую её лишь против врагов, – сквозь зубы проговорил Ратибор, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Рука Миланы сжала его ладонь сильнее.

– Огонь, однажды разожжённый, не разбирает, что жечь: вражеский частокол или родную кровлю, – невозмутимо продолжал Светозар. – Сила, данная богом, подчиняется законам Прави, а не Яви. Ты выпускаешь её, как сокольник выпускает птицу из рукавицы, но не знаешь, вернётся ли она, не занесёт ли в клюве твою же гибель. Она не для мирной жизни. Она для битвы. А битва рано или поздно кончается.

В этих словах была страшная, неумолимая правда. Правда, которую Ратибор отчаянно пытался загнать в самый тёмный угол своего сознания.

– Что же, по-твоему, мне делать? – голос Ратибора дрогнул от сдерживаемой ярости. – Сложить руки, когда в нас летят стрелы? Позволить увести в полон наших женщин?

– Учиться, – просто ответил Светозар. – Учиться контролировать. Или... отказаться. Лучше быть живым пастухом, чем мёртвым героем, чья слава сожгла собственный дом дотла.

Он помолчал, взгляд скользнул по лицу Миланы, сидевшей бледной, как полотно, потом вернулся к Ратибору.

– Сила эта – палящее солнце в час зноя. Даёт жизнь, но может и испепелить. Принесёт лишь горе тому, кто попытается обнять это солнце, приняв его за домашний очаг.

Милана не выдержала.

– Отец! – её голос прозвучал тонко и надтреснуто, как лопнувшая струна. – Ратибор спас нас всех! Вернулся живым! Разве этого мало?

Светозар посмотрел на дочь, и в его глазах мелькнула бездонная, отеческая скорбь.

– Мало, дитя моё, – прошептал старик так, что слышно было только им двоим. – Ибо я вижу не сегодняшний день. Я вижу день грядущий. И в нём – тень.

Он не стал больше ничего говорить. Откинулся на подушки, и его фигура вновь обрела неподвижность каменного изваяния. Но сказанного было достаточно.

Пир вокруг продолжался. Люди пели, плясали, славили героя. Но для Ратибора и Миланы праздник кончился. Они сидели под древним дубом, озарённые трепещущим светом костров, а над ними, незримая для других, уже простирала свои холодные крылья Тень. Тень сомнения, тень страха, тень пророчества. Ратибор смотрел в чашу с медовухой, в тёмной глубине которой плясали отражения пламени, и видел там не сладкий напиток, а будущее, мутное и несущее в себе горькую оскомину.

Он был героем. Но в глазах самого мудрого из родичей видел лишь угрозу. И эта мысль жалила больнее любой вражеской стрелы.

Глава 3: Отказ

Несколько дней, последовавших за пиром, были для Ратибора подобны жизни в подвешенном состоянии, меж двух миров. С одной стороны, его по-прежнему почитали как героя: дети бегали следом, заглядывая в глаза с благоговейным страхом, женщины низко кланялись, а старейшины советовались по пустяковым вопросам, лишь бы коснуться богатyrской мудрости. Но за этой внешней оболочкой уважения сквозил всё тот же неистребимый страх. Он был подобен могучему зубра, приведённому в селение: им восхищались, его оберегали, но всегда помнили, что одним неловким движением он может обратить в щепы и забор, и дома.

Этот незримый барьер ощущался везде. В бане, где место рядом с Ратибором невольно оставалось пустым. За обеденной трапезой, где разговоры при его приближении затихали, сменяясь натянутым, слишком громким смехом. В его собственной дружине, где воины, прежде хлопавшие его по плечу с братской фамильярностью, теперь отдавали честь, как на параде. Лишь Милана оставалась его пристанью. Её любовь была тем тихим, глубоким омутом, в водах которого воин мог хоть на время утолить свою жажду принятия.

Именно эта любовь, эта потребность в простом человеческом счастье, в жизни, не омрачённой даром-проклятием, и заставила принять решение. Ратибор не мог больше ждать,

пока стена между ним и родом вырастет до небес. Нужно было попытаться её разрушить. Или, по крайней мере, пробить в ней брешь, достаточную для того, чтобы впустить в свою жизнь ту, что стала для него воплощением самой Яви – тёплой, понятной и желанной.

Утро, когда Богатырь решился идти к Светозару, выдалось хрустально-ясным и пронзительно холодным. Воздух был звенящим, как тонкое стекло, и каждый выдох клубился густым, молочно-белым туманом. Солнце, ещё не набравшее силу, висело в бледной лазури неба блёклым, холодным диском, и его лучи, падая на изморозь, усеявшую крыши и часток, зажигали миллионы крошечных алмазных искр. Эта красота была столь же совершенна, сколь и хрупка, и Ратибору почудилось, что и его надежда в это утро подобна утренней росе – прекрасна, но вот-вот растает под неизбежным дневным светом суровой реальности.

Светозар принял гостя в своей горнице – низком, полутёмном срубе, где пахло дымом, сушёными травами и старой, промасленной кожей. Жрец сидел на грубой лавке у небольшого окошка, через которое падал узкий столб света, золотивший мириады пылинок, танцующих в воздухе. Он смотрел на световую колонну своими всевидящими очами, будто читая в ней тайные письма, начертанные самим временем. Перед стариком на столе стояла глиняная кружка с водой и лежали его неизменные деревянные чётки.

Ратибор, переступив порог, ощутил, как тело охватывает

знакомая смесь почтения и раздражения. Эта горница была местом силы Светозара, здесь каждый предмет, каждая щель в брёвнах дышали его мудростью и непоколебимой верой. Здесь Богатырь чувствовал себя не героем, а мальчишкой, пришедшим к строгому отцу за благословением.

Он подошёл и, по обычаю, склонил голову.

– Благослови, отец.

Светозар медленно перевёл на него взгляд. Его лицо в ко-
сых лучах солнца казалось высеченным из старого, пожел-
тевшего янтаря.

– Боги благословляют тех, кто идёт путем Прави, – ото-
звался старец своим глуховатым, мерным голосом. – А ты,
чадо, на каком пути стоишь? На пути воина или на пути бо-
га?

Вопрос был ударом ниже пояса, точным и беспощадным.

– Я стою на пути человека, – твёрдо ответил Ратибор, под-
нимая голову. – И как человек, я пришёл просить у тебя ру-
ки твоей дочери. Миланы.

Тишина в горнице стала абсолютной. Даже пылинки в лу-
че света, казалось, замерли в ожидании. Светозар не двинул-
ся ни единым мускулом. Лишь пальцы, лежавшие на чётках,
слегка шелохнулись, будто ощупывая невидимую нить.

– Нет, – произнёс Светозар. И в этом слове не было ни зло-
бы, ни вызова. Была простая, неумолимая констатация фак-
та, подобная тому, как камень падает на землю.

Удар был настолько прямым и лишённым всяких объяс-

нений, что на мгновение Ратибор онемел. Кровь ударила в лицо, застучала в висках тяжёлым, горячим молотом.

– Почему? – вырвалось у него, и голос прозвучал хрипло и глухо. – Я – знатный воин! Защитник рода! Я обеспечу её, я люблю её! И она...

– Она – дитя моё, плоть от плоти моей, – перебил Светозар, и в голосе впервые прозвучала сталь. – И я не отдам ребёнка в объятия пламени.

– Я не пламя! – взорвался Ратибор, делая шаг вперёд. Пол под ним слегка прогнулся. – Я – мужчина! Я могу дать ей кров, пищу, защиту! Разве этого мало?

– Мало, – холодно отрезал жрец. – Ибо ты предлагаешь ей дом, но несёшь в его стены бурю. Ты предлагаешь ей пищу, но руки твои пахнут пеплом. Ты предлагаешь защиту, но твоя защита – это ярь, что сжигает всё на своём пути. Дар Ярилы, что в себе носишь, – для битвы. Он – как меч, отточенный для сечи. Ты же хочешь положить этот меч в свою постель и надеешься, что он не поранит ту, что ляжет рядом.

– Я научусь его контролировать! – страстно воскликнул Ратибор. – Я уже... я чувствую, как он подчиняется!

– Ребенок, играющий с молнией, тоже думает, что управляет ею, пока не испепелит себя и всё вокруг, – Светозар покачал головой, и в его глазах заплясали горькие искры. – Ты не понимаешь, Ратибор. Сила эта – не часть тебя. Она – твой попутчик. И попутчик этот – дикий, ненасытный зверь. Она терпит тебя, пока ты ведёшь её на врага. Но стоит обернуться

к миру, к тишине, к женщине... сила вцепится тебе в горло. Я видел это. Я читал об этом в скрижалях, что старше наших дедов. Такая сила не для мирной жизни. Она принесёт лишь горе моей дочери. Сперва – страх. Потом – боль. А в конце... в конце – пепел.

Каждое слово жреца било точно в цель, в самое сердце тех тайных страхов, что Ратибор лелеял в глубине души. Гордыня, та самая, что была его трагическим изъяном, вспылала ослепляющим пожаром.

– Отказ из-за этого? – прошипел Богатырь, сжимая кулаки так, что кости затрещали. – Ты боишься моей силы? Жрец, который должен славить дар богов, но трепещешь перед ним, как последний раб? Или, может, ты просто завидуешь? Завидуешь тому, что боги говорили с тобой лишь в видениях, а ко мне они прикоснулись во плоти!

Это было осквернение. Глушение над всем, чем жил Светозар. Лицо старца побелело, как мел, но голос остался твёрдым, как гранит.

– Говорить с богами – удел жреца. Быть игрушкой в их руках – удел одержимого. Ты не владеешь силой, Ратибор. Она владеет тобой. И я не отдам свою дочь в рабыню твоему внутреннему зверю. Мой ответ – нет. И он неизменен.

Ярость затмила разум. Ратибор видел перед собой не мудрого старца, не отца своей возлюбленной, а слепой, непробиваемый утёс, о который разбивались все надежды на обычное человеческое счастье.

– Ты прячешься за свою веру, как черепаха в панцирь! – крикнул он, уже не помня себя. – Боишься всего, что сильнее, что не умещается в твои древние скрижали! Милана – не твоя собственность! Она имеет право выбрать сама!

– Она – дитя своего рода, – огрызнулся Светозар, и в его голосе впервые зазвенели нотки гнева. – И её долг – слушать голос старейшин, а не идти на поводу у ослепшего яростью юнца, несущего гибель всему, к чему прикоснётся!

Слово «гибель» повисло в воздухе, как ядовитый запах. Оно прозвучало как приговор. Как проклятие.

Ратибор отшатнулся, будто его ударили. Грудь вздымалась, в глазах стоял кровавый туман. Он больше ничего не видел и не слышал. Видел лишь старика, который своим отказом отнимал у него будущее. Который называл его, защитника и героя, источником гибели.

– Хорошо, – прохрипел Богатырь, и голос прозвучал чужим и страшным. – Храни свою дочь. Сиди в своей горнице со своими скрижалями. Но знай, старик... Мира не будет. Ни тебе, ни твоему роду. Ты посеял сегодня ветер. Скоро пожнёшь бурю.

Не дожидаясь ответа, Ратибор резко развернулся и выбежал из горницы, с такой силой хлопнув дверью, что с балки над порогом посыпалась пыль.

Светозар остался сидеть в столбе света. Не двигаясь, лишь рука медленно поднялась и сжала чётки с такой силой, что дерево затрещало. Он смотрел в пустоту, а перед внутрен-

ним взором стояло пламя – ослепительное, всепожирающее, и в сердцевине этого пламени – искажённое яростью лицо Ратибора. Жрец не сомневался в своей правоте. Но в глубине души, в том месте, где жила отеческая любовь, шевельнулся холодный червь сомнения. Он сделал то, что должен был сделать. Но семена беды, брошенные в яростном диалоге, уже упали в почву. И он знал – им суждено прорасти.

Глава 4: Святотатство

Последующие дни тянулись, как смола, медленной, густой и отравленной каплей. Слова, брошенные в гневе в тесной горнице Светозара, повисли между Ратибором и всем родом незримой, но прочной стеной. Он больше не был героем-изгоем, чьей силой восхищались исподтишка. Теперь Богатырь был угрозой, бросившей вызов самому устою, оспоривший волю верховного жреца. Взгляды, которые он ловил на себе, стали ещё более осторожными и тяжёлыми. В них читалась уже не просто опаска, а осуждение. Ратибор перешёл черту, и все это знали.

Ярость, кипевшая внутри в первые часы после разговора, не утихла, а лишь ушла вглубь, превратившись в тлеющий уголь, готовый вспыхнуть от малейшего дуновения. Он избегал людей, проводя дни в лесу на охоте, возвращаясь с добычей, но с пустой душой. Даже встречи с Миланой стали редкими и окрашенными болью. Девушка пыталась быть мостом, говорить с отцом, но Светозар был непреклонен, как утёс, а Ратибор – пылающим факелом, сжигающим все попытки примирения.

И вот наступило утро обряда.

Сам воздух в этот день казался необычным – весь налитый тихой, звенящей силой. Небо было ясным и невероятно высоким, словно боги отодвинули свою лазурную твердь

подальше, чтобы лучше видеть, что творится в мире людей. Солнце светило ярко, но безжалостно, выжигая последние следы ночной прохлады. Предстояло освятить новые пастбища – жизненно важный для рода обряд, гарантия того, что скот будет сыт, а зима – не голодна. Это был праздник, но праздник строгий, подчинённый древним, незыблемым законам.

К полудню всё селение собралось на окраине, у подножия невысокого холма, где уже был сложен жертвенный костёр и очерчен широкий, правильный круг – священное пространство, граница между миром людей и миром богов. Внутри круга, лицом к востоку, стоял Светозар. Жрец был облачён в длинные, белые ритуальные одежды, расшитые чёрными и красными узлами-оберегами. В руках он держал резной посох с навершием в виде головы быка – символа Велеса. Старик казался ещё выше, ещё величественнее, воплощением самой традиции, строгой и неизменной.

Ратибор стоял в толпе соплеменников, но был от них отделён, как остров. Смотрел, как Милана, одетая в простой светлый наряд, помогает жрицам расставлять чаши с зерном и молоком. Возлюбленная не смотрела на него, её лицо было сосредоточено и бледно. Каждое девичье движение отдавалось в его сердце тупой болью. Этот обряд, всеобщая устремлённость к единой цели, от которой он был отчуждён, жгла сильнее любого огня.

Обряд начался. Светозар воздел руки к небу, и его голос,

мощный и певучий, поплыл над толпой, заставляя смолкать даже птиц в лесу. Он славил Велеса, Владыку Скотоводства, Хозяина Нижнего Мира, хранителя договоров и магии. Просил благословить землю, сделать её тучной и щедрой. Каждое слово было выверено, каждый жест – отточен тысячами. Это был танец смыслов, величественный и прекрасный в своём неумолимом порядке.

А Ратибор стоял и смотрел. Уголь внутри начинал раскаляться докрасна. Богатырь видел не священнодействие, а торжество того, что отняло его будущее. Этот старец в белых одеждах – воплощённый закон, был тем, кто своим словом «нет» разрушил счастье. Ярость, сдерживаемая все эти дни, подступала к горлу горьким комом. Она шептала, что всё это – лишь театр, что старик прячет за ритуалами свою трусость и зависть.

И вот настал ключевой момент. Светозар, взяв в руки жертвенный нож, подошёл к белому ягнёнку, связанному и лежащему у костра. Животное бляло тихо и жалобно, и этот звук вонзился в сознание Ратибора, как игла. Кровь застучала в висках. Он видел, как Милана, стоявшая рядом, закрыла глаза, содрогнувшись. И что-то в нём сорвалось с цепи.

Это была не мысль, не решение. Это был взрыв.

– Довольно! – Крик, хриплый и дикий, разорвал стройное пение жреца, как ткань – коготь зверя.

Ратибор шагнул вперёд. Толпа перед ним расступилась с испуганным вздохом, словно отшатнулась от прокаженного.

Он не видел их лиц. Видел только Светозара, обернувшегося на крик. Лицо жреца было не гневным, а скорбным и усталым, будто он знал и ожидал этого, будто видел этот миг ещё в своей горнице.

– Ратибор! Стой! – властно прозвучал голос Светозара. – Не нарушай круг! Не вступай в священное пространство!

Но было поздно. Ратибор, ослеплённый яростью, переступил через очерченную на земле черту.

Мир изменился в одно мгновение.

Тишина, что воцарилась, была не просто отсутствием звука. Она была живой, плотной, враждебной субстанцией, давящей на уши. Воздух внутри круга стал густым, как мёд, и тяжёлым, как свинец. Солнечный свет померк, будто на него набросили серую вуаль. Ратибор почувствовал, как его собственная сила, его Ярь, взбунтовалась, почуяв незримые преграды. По его коже пробежали мурашки, а внутри всё сжалось от первобытного, животного страха. Он нарушил табу. Вошёл в чертог богов без спроса.

– Выйди, чадо, – сказал Светозар, и голос звучал уже не как повеление, а предупреждение. В глазах жреца горел не гнев, а отчаяние. – Пока не поздно. Сила здесь иная. Она не потерпит твоего буйства.

– Я устал от твоих запретов, старик! – закричал Ратибор, делая ещё несколько шагов в упругом, словно резина, воздухе. Его ноги стали ватными, каждый шаг давался с огромным усилием. – Ты говоришь от имени богов? Так пусть они

скажут сами! Где они? Покажи мне их!

Он взмахнул рукой, и золотые знаки Яри, гонимые яростью, проступили на коже, но сейчас свет был неровным, болезненным, будто они боролись с невидимым давлением.

– Остановись! – в голосе Светозара прозвучала настоящая мольба. Он видел то, чего не видел Ратибор. Видел, как искажается само пространство вокруг юноши, как тени от костра начали извиваться и тянуться к нему, словно щупальца. – Ты не понимаешь! Тырываешь ткань мира здесь, в самом её уязвимом месте! Твоя сила, твой гнев... они как факел в сухом хлеву!

Но Ратибор был глух. Он видел перед собой лишь человека, отнявшего у него всё. Богатырь шагнул к Светозару, чтобы схватить того за грудки, встряхнуть, закричать в лицо.

И в этот миг Светозар, пытаясь отвести беду, бросился наперерез Ратибору, чтобы вытолкнуть того за пределы круга.

Произошло то, что должно было произойти.

Ослеплённый яростью, чувствуя приближение старика, Ратибор инстинктивно рванулся вперёд и оттолкнул его. Рука, пылающая неукротённой Ярю, с силой, достаточной чтобы свалить с ног быка, ударила в грудь Светозара.

Ударила и... прилипла.

Не было громового раската, не было вспышки света. Был тихий, влажный звук и резкий, едкий запах гари. Ратибор почувствовал, как его сила, внутренний огонь, хлынул из ладони прямо в тело жреца. Но это было не исцеляющее пламя

жизни. Это была испепеляющая ярость, не нашедшая выхода в бою.

Светозар не отлетел. Он замер, его глаза расширились от невыразимого ужаса и изумления. Старик не кричал. Лишь прошептал, глядя в лицо Ратибору:

– Что ты наделал, дитя мое... Что ты наделал...

Потом его тело задрожало. Белые одежды вокруг места, куда легла рука Ратибора, почернели и рассыпались в пепел. Кожа на могучей груди жреца покрылась чёрной, извилистой паутиной, которая поползла к шее, к лицу. От него пахло не просто смертью, а небытием, распадом, прахом.

И тогда Светозар медленно, как подкошенный дуб, рухнул на колени, а затем – ничком на землю, в самый центр священного круга.

Тишина стала абсолютной. Давление исчезло. Воздух снова стал лёгким. Но мир перевернулся.

Ратибор стоял, глядя на свою собственную ладонь, на которой не осталось и следа от страшного деяния. Потом взгляд упал на неподвижное тело жреца, на чёрную пелену, медленно расползавшуюся по белым одеждам.

Он не чувствовал ничего. Ни ярости, ни торжества. Лишь ледяную, всепоглощающую пустоту. Ратибор поднял взгляд и увидел глаза Миланы. Она стояла у края круга, зажав рот рукой, и в её глазах, полных слёз, он увидел не боль, не упрёк, а бездонный, вселенский ужас.

И тут до него дошло.

Он не просто убил старика.
Он совершил святотатство.

Глава 5: Роковой Толчок

Тишина, воцарившаяся после падения Светозара, была чудовищной. Это не было отсутствие звука – тишина была живым, пульсирующим существом, высасывающим из мира все краски, запахи, ощущения. Воздух, только что наполненный зноем и запахом дыма, теперь стал холодным и затхлым, как в гробнице. Солнечный свет, ещё минуту назад лившийся золотыми струями, померк и поблёл, словно его затмила невидимая туча. Давление, царившее внутри священного круга, исчезло, но его сменила иная тяжесть – тяжесть свершившегося кошунства, висевшая над полем свинцовой пеленой.

Ратибор стоял, не в силах пошевелиться. Рука, та самая, что только что толкнула Светозара, всё ещё была вытянута вперёд, словно окаменевшая в своём греховном жесте. Он смотрел на ладонь, ожидая увидеть на ней кровь, копоть, следы страшной силы – но кожа была чиста. Лишь лёгкое, почти неосоздаваемое покалывание, будто от прикосновения к крапиве, напоминало о случившемся. Это было самое страшное – отсутствие внешних следов ужаса, сокрытого внутри.

Взгляд медленно, против воли, скользнул вниз, к тому, что ещё минуту назад было Светозаром.

Тело жреца лежало ничком, распластанное на вытоптанной траве. Белые одежды вокруг спины и груди почернели

не как от огня, а будто пропитались самой ночью, истлели от прикосновения векового тлена. Но самое ужасное было не это. От тела исходило изменение пространства. Воздух над ним колыхался маревым жаром, и сквозь эту дрожащую пелену было видно, как плоть на обнажённой шее и руках быстро, с противоестественной скоростью, меняется. Кожа, ещё недавно живая, пусть и старая, покрывалась сетью тонких, извилистых чёрных трещин, словно высохшая глина. Они расползались, сливались, образуя причудливый, отвратительный узор, похожий на карту неведомой, мёртвой земли. Цвет кожи менялся на землисто-серый, потом на тёмно-пепельный. От тела шёл сладковато-приторный запах, смесь гари, сухой плесени и чего-то невыразимо древнего и мёртвого – мгновенной многовековой мумификации, запах Нави, прорвавшейся в Явь.

Это не было простым убийством. Это – осквернение самой сути жизни. Сила Ярилы, дарованная для роста, для яри в бою, была вывернута наизнанку и проявила свою антитезу – абсолютную, мгновенную смерть, не оставляющую места для увядания.

Время, казалось, застыло. Ратибор видел всё в жуткой, преувеличенной четкости: каждую травинку у лица Светозара, песчинку на почерневшей одежде, медленное, почти ленивое движение дыма от жертвенного костра на фоне побелевшего неба.

А потом чары тишины разбились.

Первый звук, прорвавший ледяной плен, был не криком, а сдавленным, животным стоном. Он вырвался из глотки Миланы. Она всё так же стояла у края круга, но теперь тело девушки содрогалось в конвульсивном рыдании. Рука, зажимавшая рот, медленно опустилась, обнажив искажённое невыносимой болью лицо. Глаза, огромные и застывшие, были прикованы к почерневшей спине отца. Они были полны слёз – как бездонное озеро, на дне которого уже шевелился ледяной ужас.

Этот стон стал сигналом. Как будто плотина, сдерживающая всеобщий ужас, рухнула. Толпа, замершая в оцепенении, взорвалась хаосом. Раздались вопли женщин, проклятия стариков, испуганный плач детей. Люди отшатывались от круга, давя друг друга, падая, сбивая с ног жертвенные чаши. Мёд, молоко и зерно растеклись по земле, смешиваясь с пылью, превращая священное действие в грязную панику.

Кто-то, один из молодых воинов дружины, с перекошенным от ужаса лицом, поднял камень и швырнул его в сторону Ратибора. Камень пролетел мимо, упав в пыль с глухим стуком, но этот жест, как искра в пороховой погреб, развязал руки другим. Вслед полетели комья земли, палки, обломки.

– Осквернитель! – пронзительно крикнула какая-то женщина.

– Велеса прогневал! На род наслал проклятие!

– Убийца! Колдун!

Слова, острые и ядовитые, как стрелы, впивались в него.

Но Ратибор почти не слышал их. Он стоял, парализованный, глядя на Милану. Он видел, как её взгляд, наконец, оторвался от тела отца и медленно, с невыразимой мукой, поднялся на него. И в этих глазах, всегда смотревших на него с любовью и теплом, он увидел то, от чего его собственная душа разорвалась на части. Он увидел чистый, незамутнённый ужас. Ужас перед ним. Перед тем, кого она любила.

Это было больше всех камней, всех проклятий. Это был приговор, вынесенный ему не родом, не богами, а единственным человеком, чьё мнение для него что-то значило.

Он сделал шаг к ней. Неуверенный, шаткий, словно учась ходить заново. Его рука инстинктивно потянулась к ней, в немой, отчаянной просьбе о прощении, о понимании, о спасении.

– Милана... – его голос был хриплым шёпотом, который заглушил гвалт толпы.

Но она, увидев его движение, его протянутую руку, отпрянула. Резко, с тем же самым ужасом, с каким отшатываются от ядовитой змеи. Её глаза расширились ещё больше, в них вспыхнул животный, первобытный страх.

– Не подходи! – её крик был тонким, пронзительным, полным отчаяния. – Не касайся меня!

Эти слова стали последним, финальным ударом. Они обрушили на Ратибора всю тяжесть его деяния. Его прикосновение, которое она так часто искала, теперь было для неё смертельной угрозой. Его любовь – ядом.

Он замер, его рука бессильно опустилась. Мир вокруг него поплыл, заплесал в глазах. Он видел искажённые гримасами ярости и страха лица родичей, чернеющее на земле тело жреца, бледное, как смерть, лицо возлюбленной, смотрящей на него как на чудовище. Он слышал гул проклятий, словно отдаляющийся шум моря.

И в этот миг абсолютного падения, когда его душа, разорванная в клочья, уже готова была испустить последний стон, из глубины его существа, из того самого места, где таилась его Ярь, вырвался ответный порыв. Не ярости, не злобы – а горького, отчаянного, всепоглощающего отчаяния. Он вскинул голову к поблёкшему небу, и из его груди вырвался не крик, а стон – долгий, надрывный, полный такой бездонной муки, что на мгновение даже толпа смолкла, поражённая.

Он больше ничего не видел и не слышал. Просто повернулся и, шатаясь, как пьяный, пошёл прочь. Не бежал, не удалялся стремительно, а брёл, словно слепой, через поле, оставляя за собой священный круг, тело старейшины, любовь всей своей жизни и всю свою прежнюю жизнь. Он шёл, не разбирая дороги, и каждый шаг отдавался в пустоте его сердца глухим, окончательным эхом. Он был больше не воином. Не героем. Не женихом. Он был убийцей. Осквернителем. Изгоем.

А сзади уже поднимался к небу первый, испуганный и гневный, вопль плача по убиенному жрецу, сливавшийся с

нарастающим ропотом толпы, оставшейся по ту сторону провала, в который он только что низригнул и себя, и всю свою судьбу.

Глава 6: Голос Бога

Тело Светозара лежало в центре круга, неподвижное и страшное. Чернота, исходившая от него, казалось, поглощала и без того скудный свет, создавая вокруг него ореол неестественной, зловещей тени. Тлен не просто коснулся его – он изменил саму плоть, превратив её в нечто чуждое, инородное для мира живых.

Старейшины, седобородые мужи с лицами, испещрёнными морщинами-летописями, медленно, с трудом преодолевая оцепенение, вышли вперёд. Их палки подкашивались, руки тряслись. Они подошли к телу, но не смели переступить черту осквернённого круга. Они стояли на краю, втянув головы в плечи, и их старые, умудрённые опытом глаза не могли постичь увиденного. Один из них, дед Щек, чей род был, казалось, старше самой земли, попытался было произнести что-то, но из его пересохшего рта вырвался лишь старческий, беспомощный лепет.

И тогда это началось.

Сначала – тишина. Потом воздух над телом Светозара заколебался. Не марево от жары, а словно плотную ткань пространства кто-то начал медленно, неумолимо растягивать. Ветер, которого не было, внезапно налетел откуда-то со стороны леса. Но это был не ласковый летний ветерок. Он был холодным, влажным и нёс с собой запахи, от которых стыла

кровь: запах сырой подземной глины, прелых листьев, старой кости и медного привкуса грозы.

Люди, застывшие в оцепенении, инстинктивно попятились, сбиваясь в кучу, как овцы перед волком. Даже самые ярые крикуны смолкли, их гнев растворился в первобытном ужасе.

И из этой растянутой, дрожащей пустоты над телом жреца прорвался Голос.

Он был не громким. Он был вездесущим. Он звучал не в ушах, а в самой кости, в мозгу, в каждом уголке души. Он не имел ни высоты, ни тембра – это был гул земных недр, шелест сухих листьев в заброшенной чаще, тихий скрежет камня под весом тысячелетий и безмерная, вселенская скорбь.

«СЛЫШЬТЕ...»

Слово прокатилось по полю, и от его вибрации задрожала земля под ногами. Дети вжались в материнские подолы, заглушая рыдания.

«УСЛЫШЬТЕ ГЛАС МОЙ...»

Голос был обращён ко всем, но каждый чувствовал, что слышит его наедине, что эти слова входят прямо в душу, не оставляя возможности послушаться или не понять.

«СЕЙ ЧЕЛОВЕК...»

На этот раз Голос выделил Ратибора, и тот, стоявший поодаль, сгорбленный и разбитый, почувствовал, как невидимая длань сжимает его сердце. Он поднял голову. Его лицо было мокрым от слёз, но теперь по нему ползли новые – слё-

зы невыразимого, метафизического ужаса.

«...РУКОЮ СКОВЕРНОЙ... ОСКВЕРНИЛ СВЯТЫНЮ
МОЮ... ПРЕВАЛ ДОГОВОР МЕЖ МИРОМ ЖИВЫХ И
МИРОМ ЗАКРОНЫМ...»

С каждым словом холодный ветер крепчал, завывая теперь уже открыто, по-волчьи. Небо на западе почернело, хотя до заката было далеко. Туда, в сторону царства Велеса.

«ОТНЫНЕ... ДА БУДЕТ ТАК...»

Голос затих на мгновение, и в этой паузе был слышен лишь испуганный вой ветра и прерывистые всхлипы людей.

«СИЛА ЕГО... КОЮ ЯРИЛА ДАРОВАЛ ЕМУ ДЛЯ
ЖИЗНИ... СТАНЕТ БИЧОМ ЕМУ...»

Ратибор закрыл глаза, словно пытаюсь спрятаться от неминуемого.

«ВСЯК... К КОМУ ПРИКОСНЕШЬСЯ С ЛЮБОВЬЮ...
ПОЗНАЕТ ГОРЕ... ВСЯК... КТО ДАСТ ТЕБЕ КРОВ...
ПОЗНАЕТ РАЗОРЕНИЕ...»

Слова обрушивались на него, как удары молота, выбивая из груди последний воздух, последнюю надежду. Это не было проклятие в привычном смысле. Это был приговор. Переопределение самой его сущности.

«СУПРУГА – ОВДОВЕЕТ... ДИТЯ – СИРОТОЙ ВОСПРЯНЕТ... МАТЬ – ПЛАЧ БЕЗУТЕШНЫЙ ВОЗЬМЁТ...»

Где-то в толпе раздался душераздирающий крик. Его взгляд метнулся в ту сторону, но он видел лишь стену спин и испуганных лиц.

«ДРУГ – ВРАГОМ СТАНЕТ... А ВРАГ – СМЕРТЬЮ ТВОЕЮ ВОССЛАВИТСЯ...»

Голос нарастал, вбирая в себя гул земли и вой ветра, становясь всеобъемлющим и абсолютным.

«СИЯ ТЯГОТА... СИЕ ПРОКЛЯТИЕ... ДА ПРЕБУДЕТ НА ТЕБЕ... ДО ПОСЛЕДНЕГО ТВОЕГО ВЗДОХА... ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ... ДАЖЕ ДУША ТВОЯ... ОТЯГОЩЁННАЯ СЕЮ НОШЕЙ... НЕ ОБРЯЩЁТ ПОКОЯ В ЧЕРТОГАХ МОИХ... ИБО НАРУШИЛ ТЫ НЕ ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ... НАРУШИЛ ТЫ ЗАКОН МИРОЗДАНИЯ...»

Последние слова прозвучали как окончательный, бесповоротный вердикт. Голос начал стихать, но его эхо ещё долго билось в костях и в умах, словно колокол, возвещающий о конце света.

«СЕ... РЕЧЕНО...»

И с этим словом всё прекратилось. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Давление исчезло. Воздух снова стал обычным. Но мир уже никогда не будет прежним.

Над телом Светозара более не было дрожания воздуха. Оно просто лежало там – чёрное, безмолвное и страшное, как вещественное доказательство случившегося.

Ратибор стоял на коленях. Он не помнил, когда упал. Только смотрел перед собой в пустоту, и в его глазах не было ничего. Ни ярости, ни отчаяния, ни даже боли. Была лишь пустота, более чёрная и бездонная, чем та, что погло-

тила Светозара. Слова проклятия выжгли в нём всё. Он чувствовал их не как внешнюю кару, а как внутреннее изменение. Будто в самой сердцевине его существа что-то переломилось, и теперь из трещины сочилась не кровь, а та самая скверна, что несла горе всем, кого он коснётся.

Он был больше не просто убийцей. Он был Проклятым. Ходячей катастрофой. Вечным изгоем, чьё существование отныне было угрозой для всего живого.

И тогда, сквозь оглушающую тишину его собственной души, донёсся новый звук. Тихий, едва слышный. Шёпот. Он исходил не от людей. Он шёл из леса, из-под земли, из самого воздуха. Он был полон голода и злорадства.

Это был шепот Нави. Она почуяла новую добычу. И она была терпелива.

Глава 7: Путь Изгоя

Слово «речено», прозвучавшее как печать на вечные времена, не просто умолкло. Оно впиталось в землю, в воздух, в самое нутро каждого, кто его слышал. Наступившая тишина была – тяжёлой, насыщенной, как перед грозой, но гроза эта уже прошла, оставив после себя выжженную, бесплодную равнину души. Люди стояли, не шелохнувшись, всё ещё ощущая в костях вибрацию божественного гласа. Они были свидетелями. Свидетелями того, как воля бога, жестокая и неумолимая, вошла в их мир и переплела судьбу одного человека с самыми тёмными законами мироздания.

И вот это оцепенение стало медленно, словно густая паточка, сменяться движением. Не осознанным, не продуманным, а инстинктивным, животным. Взоры, еще недавно прикованные к пустоте над телом Светозара, теперь, будто по незримой команде, повернулись к одинокой, сгорбленной фигуре на краю поля.

К Ратибору.

Он всё ещё стоял на коленях, но уже не в позе отчаяния, а в странном, окаменевшем унижении. Его спина, всегда прямая, как древко копья, теперь была согнута под невидимой тяжестью, брошенной на него Велесом. Он не смотрел ни на кого. Его глаза, широко раскрытые, были устремлены в землю, но видели они, казалось, не пыль и траву, а бездну,

развёрзшуюся у него под ногами.

Камень, брошенный рукой седовласого старейшины Щека, пролетел мимо, сухо щёлкнув о землю. Но он был спичкой, брошенной в бочку с порохом.

И всё началось.

Это был не бунт. Не справедливый гнев. Это было извержение. Извержение коллективного страха, который ищет виноватого, коллективной боли, которая ищет выхода. Страх перед богом, которого они только что слышали, трансформировался в ярость к тому, кто этого бога прогневал. Боль от потери жреца, опоры их мира, обратилась ненавистью к убийце.

– Вон! Вон из нашей земли! – пронзительно закричала женщина, и её крик подхватили десятки глоток.

– Проклятый! Не оскверняй нас своим дыханием!

– Убийца! Колдун! Навью пахнешь!

Град камней, комьев земли, палок и даже черепков разбитых жертвенных чаш обрушился на Ратибора. Он не уворачивался. Он принимал это. Удар камня в плечо, удар палкой по спине – они были ничто по сравнению с тем внутренним распадом, что творился в его душе. Физическая боль была почти благодатью, отвлекающей мукой, подтверждением того, что он ещё жив, ещё чувствует. Каждый синяк, каждая ссадина была знаком, клеймом его нового статуса. Статуса изгоя.

Он медленно, с нечеловеческим усилием, поднялся на но-

ги. Его движения были скованными, механическими. Он повернулся и пошёл. Не побежал, не бросился прочь, а пошёл медленной, тяжёлой поступью приговоренного к казни, который уже смирился со своей участью и теперь лишь следует к месту её свершения.

Толпа, рыча и крича, двигалась за ним, сохраняя дистанцию, как стая гиен, преследующая раненого льва. Они бросали в него не только камни, но и слова. И слова ранили больнее.

– Из-за тебя боги отвернутся от нас!

– Чума ты ходячая! Сгинь!

– Мать твою, проклянув, умрет! Слышишь? Умрет из-за тебя!

Он слышал. Каждое слово впивалось в него, как раскалённая игла. Он шёл через всё селение. Из дверей, из-за заборов на него смотрели испуганные, ненавидящие лица. Двери захлопывались, ставни закрывались на щеколды по мере его приближения. Его родное селение, где он родился, где его знали как сына, как друга, как защитника, теперь отторгало его, как организм отторгает занозу.

И вот он увидел его. Свой дом. Низкий, прочный сруб, который построил ещё его дед. Его сердце, казалось, замерло, а потом забилося с такой силой, что он почувствовал боль в висках. Последние слова проклятия эхом отзывались в его памяти: «Мать – плач безутешный возьмёт...»

Он не мог. Он не смел. Его ноги сами замерли перед ка-

литкой. Он стоял, сжимая кулаки, глядя на знакомую, просмоленную дверь. Вся его натура, всё его существо рвалось внутрь, к единственному человеку, чья любовь, казалось, могла пережить всё. Упасть к её ногам, обнять колени, попросить... но о чём? О прощении, которое невозможно? О любви, которая стала для неё смертным приговором?

Дверь скрипнула и приоткрылась. В проёме стояла его мать. Высокая, прямая, с лицом, на котором горе и гордость высекали свои неизгладимые письмена. Её волосы, всегда убранные в тугую косу, сегодня были растрёпаны. В руках она сжимала краюху хлеба и узелок. Их взгляды встретились.

В её глазах не было ненависти. Не было страха. В них была бездонная, вселенская скорбь. Скорбь, которая старше мира. Она видела его – своего мальчика, своего сына, героя – покрытого пылью и кровью, окружённого проклятиями, с клеймом бога на челе. Она видела его душу, разорванную в клочья.

Она сделала шаг вперёд, чтобы протянуть ему хлеб, этот последний, отчаянный жест материнской любви. Но Ратибор резко, почти истерично, отшатнулся.

– Нет! – его голос сорвался в крик, полный такого отчаяния, что толпа на мгновение притихла. – Не подходи! Не касайся меня!

Он видел, как её лицо исказилось гримасой невыносимой боли. Она поняла. Поняла, что её прикосновение, её любовь,

могут стать для него последним, самым страшным ударом – ударом по её же собственной душе, согласно проклятию.

Она замерла, и хлеб выпал из рук. Она не плакала. Она смотрела на него, и в этом взгляде была вся её разбитая жизнь.

Это было последнее, самое жестокое отречение.

Ратибор развернулся и пошёл. Уже быстрее. Почти бежал. Он бежал от своего дома, от матери, стоявшей на пороге как живое воплощение его горя, от селения, от всех этих лиц, от всего, что было ему дорого.

Толпа, вытолкнув его за частокол, остановилась у ворот. Они не пошли дальше. Люди выполнили свою работу – изгнали скверну. Теперь они стояли и смотрели, как он бежит по пыльной дороге, удаляясь и уменьшаясь.

Ратибор бежал, не разбирая пути, пока селение не скрылось за поворотом, пока не смолкли последние крики. Он бежал, пока в лёгких не стало жечь от нехватки воздуха, а в ногах не появилась свинцовая тяжесть. Он рухнул на землю у опушки леса, в высокой, колючей траве, и его тело содрогалось от беззвучных, сухих рыданий.

Он лежал ничком, вдавливая лицо в холодную, влажную от росы землю, пытаясь вдохнуть её запах, запах жизни, который отныне был для него запрещен. Он был один. Абсолютно один. Проклятие Велеса висело на нём невидимым саваном, отрезая его от мира живых. Он был ходячей смертью для всего, что любил. Он был изгоем. И его путь лежал в ни-

куда. В пустоту.

Глава 8: Шёпот Кикиморы

Первая ночь изгнания пришла, как вор, украдя последние краски мира и оставив после себя лишь бесконечные, удрушающие оттенки чёрного и серого. Лес, в который он бежал, не был дружелюбным. Древние ели и сосны стояли тесным, молчаливым строем, подобным армии немых стражей, не желавших пускать чужака в свои владения. Их вершины терялись в непроглядной тьме, а стволы, покрытые шершавой, потрескавшейся корой, напоминали окаменевших великанов, застигнутых врасплох в момент какого-то давнего катаклизма.

Ратибор лежал на спине, уставившись в узкую полоску неба между ветвями, где холодно поблёскивали редкие, безразличные звёзды. Физическое истощение поглотило его целиком, превратив кости в свинец, а мускулы в вату. Но душа его, напротив, была обнажена и разодрана, как свежая рана, и любая мысль, любое воспоминание причиняло нестерпимую боль, сравнимую лишь с прикосновением раскалённого железа.

Он вспоминал лицо матери в дверном проёме. Её глаза, полные невысказанной любви и принятой жертвы. Вспоминал почерневшее тело Светозара и слышал леденящий душу Голос Велеса, перекраивающий саму ткань его бытия. Ратибор чувствовал на своей спине и плечах тупую, ноющую боль

от ударов камней – физическое воплощение отвержения его же рода.

Но хуже всего был страх. Не страх смерти – смерти он как воин не боялся. Это был страх самого себя. Страх той силы, что дремала в нём, того дара, что обернулся проклятием. Он боялся пошевелиться, боялся вздохнуть слишком глубоко, боялся, что его Ярь, это неуправляемое пламя, вырвется наружу просто от боли и отчаяния и испепелит всё вокруг. Он был бомбой с зажжённым фитилём, брошенной в самое сердце мира, и этот мир справедливо от него отворачивался.

«Проще было бы умереть», – пронеслось в его голове, и мысль эта была не горькой, а облегчающей, как обещание покоя. Смерть была бы милостью. Концом. Но проклятие, как он понимал, было утончённое. Оно не желало его смерти. Оно желало его страданий. Обрекало на жизнь в одиночестве, на вечное бегство от самого себя.

И тогда из тьмы, из самой гущи мрака между корнями древних елей, до него донёсся шёпот.

Вначале он принял его за шум крови в собственных ушах. Тихий, едва уловимый шелест, похожий на то, как ползёт по сухому листу жук. Но звук не исчезал. Он нарастал, обретая плоть, обрастая обертонами. Скоро Ратибор смог различить в нём слова.

– ...Ратибор... друг мой... за что?..

Голос был знакомым. Молодым. Полным недоумения и обиды. Это был голос Любомира, того самого юного воина,

что погиб у него на руках в степи, сражённый недругом.

Ледяная рука сжала сердце Ратибора. Он привстал на локте, вглядываясь в непроглядную тьму.

– Кто здесь? – его собственный голос прозвучал хрипло и разбито.

Шёпот стал яснее, ближе. Теперь он доносился уже не из одного места, а словно окружал со всех сторон, плыл по воздуху, рождаясь из самого мрака.

– Мы верили тебе... шли за тобой на край света... а ты... ты погубил нас... своей гордыней... своей яростью...

Это был уже другой голос. Более грубый, старше. Голос одного из ветеранов его дружины, павшего в той же стычке.

– Я пытался спасти вас! – выкрикнул Ратибор в ночь, чувствуя, как безумие подбирается к нему крадущимися шагами.

– Спас?.. – зашептали сразу несколько голосов, старых и молодых, мужских и женских, сливаясь в жутковатый хор. – Ты принёс нам смерть, Ратибор... Ты принёс смерть всем, кого коснулся... Сначала нам... потом жрецу... а скоро... и ей...

Из тьмы, прямо перед ним, выплыл бледный, мерцающий образ. Неясный, лишённый чётких черт, но он узнал бы его из тысяч. Милана. Её лицо было искажено не болью, а тем самым ужасом, что он видел на поле. Её губы шептали: «Не касайся меня... не касайся...»

Это было слишком. Он вскрикнул и отполз назад, ударив-

шись спиной о шершавый ствол сосны. Боль от удара была реальной, знакомой, и она на мгновение вернула его к действительности.

– Это морок! – прошипел он, сжимая виски пальцами. – Чей-то морок!

– Морок?.. – засмеялся шёпот, и смех этот был похож на сухой пересвист ветра в ветвях. – Или правда?.. Правда, которую ты боишься услышать?.. Правда о себе...

Тьма перед ним сгустилась, заколебалась, и из неё материализовалась фигура. Невысокая, сторбленная, словно старая, скрюченная коряга. Она была одета в лохмотья из мха и теней, а её лицо, обрамлённое спутанными, влажными прядями волос цвета болотной тины, было морщинистым и острым, с крошечными, сверкающими, как гнилушки, глазками. Это была Кикимора.

Она не была страшной в привычном смысле. Она была отвратительной. От неё веяло сыростью подвала, плесенью и той глубокой, вековой тоской, что царит на заброшенных межах и в забытых богами уголках леса.

– Горько одиноко, добрый молодец? – проскрипела она, и её голос был похож на скрип несмазанной телеги. – Тяжко ношу свою влачить?

Ратибор молчал, стиснув зубы, чувствуя, как холодный пот стекает по его спине.

– Никому ты не нужен, – продолжала она, обходя его по кругу, её кривые пальцы с длинными, землистыми когтями

поглаживали кору деревьев. – Род отрёкся. Невеста ужасается. Мать... ах, мать плачет. И будет плакать. Все будут плакать из-за тебя. Так стоит ли мучиться?

Она остановилась прямо перед ним, и её запах – затхлый, сладковато-гнилостный – ударил ему в ноздри.

– Есть путь легкий... – прошептала она, наклоняясь так близко, что он видел каждую морщинку на её лице, похожем на сморщенное грибное тело. – Не надо бежать... не надо бояться... Просто... отпусти...

Один из её длинных, костлявых пальцев медленно, почти нежно, потянулся к его челу.

– Отпусти боль... отпусти память... отпусти себя... Я помогу... Навь примет тебя... Там нет ни страданий, ни вины... Там тишина... забвение...

Искушение было чудовищно сильно. В её словах была убаюкивающая правда. Забвение. Конец боли. Конец страхам. Конец этому давящему одиночеству. Всего лишь один шаг. Одно согласие. И всё это кончится.

Его воля, истерзанная и ослабленная, дрогнула. Он чувствовал, как ледяное обещание покоя окутывает его душу, словно саван. Он устал. Он так устал бороться.

Но где-то в самых глубинах его существа, под грудой отчаяния и боли, тлела искра. Искра того самого дара, что принёс ему столько горя. Искра Ярилы. И она, эта искра жизни, восстала против небытия, против забвения.

– Нет! – это был не крик, а хриплый, сорванный выдох,

полный последних остатков воли.

Он рванулся назад, отстраняясь от искусительного пальца. Его движение было резким, полным отчаянной энергии.

Кикимора отпрянула, и её лицо исказилось злобной гримасой. Её крошечные глазки полыхнули зеленоватым огнём.

– Глупый! Глупый червяк! – прошипела она, и её голос потерял всю притворную ласковость, став визгливым и ядовитым. – Будешь бежать! Будешь мучиться! Каждый твой вздох будет отравлен страхом! Каждый сон – кошмаром! И когда ты окончательно изнеможешь, я приду за твоей душой снова! Она будет моей!

С этим визгом её фигура распалась, рассыпалась на клу-бы холодного, вонючего тумана, который тут же рассеялся в ночном воздухе.

Ратибор сидел, прислонившись к дереву, и тяжело дышал. Его тело тряслось от нервной дрожи. Он только что едва не сдался. Едва не предпочел небытие борьбе.

Он посмотрел на свои руки, слабо освещённые бледным светом звёзд. Он был проклят. Он был изгнан. За ним охотились духи тьмы, видя в нём лёгкую добычу. Но он был жив. И пока он был жив, в нём тлела та самая искра, что заставила сказать «нет».

Ратибор не знал, что ждёт его впереди. Не знал, есть ли у него хоть капля надежды. Но он понял одну простую и страшную вещь: его путь только начался. И это будет путь не просто изгнанника. Это будет путь воина, сражающегося не

с внешними врагами, а с демонами внутри себя. С отчаянием. Со страхом. С собственной силой, ставшей проклятием.

И первый раунд этой битвы он только что, с трудом, но выиграл.

Он поднял голову. Ночь всё так же была черна и безжизненна. Но где-то там, на востоке, за гребнем далёких гор, уже таился самый слабый намёк на свет. Рассвет был ещё далёк, но он неизбежно должен был наступить.

Глава 9: Кровь Волколака

Рассвет не принёс облегчения. Он приполз на востоке бледной, болезненной полосой, не рассеивая тьму, а лишь разбавляя её до состояния грязно-серого, унылого молока. Свет, едва пробивавшийся сквозь частокол вековых елей, был холодным и безжизненным, не сулящим ни тепла, ни надежды. Он заливал лесную чащу, подчёркивая каждую корягу, каждый обломанный сук, превращая их в застывшие в агонии силуэты.

Ратибор не спал. Он сидел, прислонившись к тому же дереву, его глаза, красные от бессонницы и высохших слёз, были широко раскрыты и неподвижны. Ночной визит Кикиморы оставил в душе не просто страх, а глубокую, разъедающую тревогу. Он понял, что его одиночество не будет тихим и уединённым. Оно будет населено тенями. Тенями его прошлого, его вины, страхов. И более материальными тварями, которых привлекал запах его отчаяния и аура божественного проклятия, выущаяся вокруг него незримым, ядовитым ореолом.

Он чувствовал себя приманкой, брошенной в тёмные воды. И ждать долгой поклёвки не пришлось.

Первый признак был звуковым. Где-то в глубине леса, за стеной стволов и бурелома, послышался хруст ветки. Не случайный, не оленем или кабаном вызванный, а нарочи-

то громкий, тяжёлый. Затем – тишина. Напряжённая, злоедающая, будто лес затаил дыхание, ожидая развязки.

Ратибор медленно поднялся на ноги. Его тело ныло от усталости и побоев, но годы тренировок и инстинкт воина взяли верх. Он был как раненый волк, загнанный в угол, – опасный, отчаянный и готовый к последней схватке.

Второй звук был уже ближе. Глухое, частое сопение, словно огромные лёгкие с трудом прокачивали воздух. И запах. Тяжёлый, звериный, пропитанный потом, старой кровью и чем-то кислым, гнилостным.

И тогда из-за завесы утреннего тумана и стволов вышел Он.

Сначала это была лишь тень, несоразмерно большая и искажённая. Потом тень обрела плоть. Существо было огромным, превосходящим размерами самого крупного лесного волка. Его шерсть, свалившаяся в колтуны, была грязно-бурого цвета, местами покрытая засохшими чёрными пятнами – старой кровью или язвами. Но самое чудовищное было в его анатомии. Это не был чистый зверь. В его очертаниях угадывались жуткие, искажённые черты человеческого – неестественно длинные, почти как руки передние лапы с когтями, похожими на обломки кинжалов, слишком развитая грудная клетка и, самое ужасное, морда. Вытянутый волчий череп со сверкающими клыками был совмещён с парой безумных, налитых красной кровью глаз, в которых светился не просто звериный голод, а нечто худшее – осознанная, ин-

теллеktуальная ярость, смешанная с глубокой, неизбывной болью. Это был Волколак.

Он остановился в десяти шагах от Ратибора, упёршись в землю своими мощными лапами. Пар от его горячего дыхания клубился в холодном воздухе белыми облачками. Его глаза с вертикальными зрачками пристально изучали добычу, и в них читалось не просто желание убить, а некое мрачное любопытство.

Ратибор замер. Он не имел при себе ни меча, ни щита. Только руки, его тело и та самая сила, что сделала его изгоем.

Волколак не стал затягивать игру. С низким, грудным рыком, больше похожим на скрежет камней, он ринулся в атаку. Его движение было не плавным, как у волка, а резким, порывистым, почти судорожным. Он покрыл расстояние между ними за два прыжка, и огромная лапа с когтями, способными распороть брюхо коню, взметнулась, стремясь к голове Ратибора.

Тот инстинктивно рванулся в сторону, чувствуя, как ветер от удара опаляет его щеку. Он пригнулся, пытаясь уйти под брюхо зверя, но Волколак был стремителен и опытен. Вторая лапа, на сей раз с размаху, ударила его в грудь.

Удар был чудовищной силы. Ратибор почувствовал, как ломаются рёбра с сухим, щёлкающим хрустом. Боль, острая и оглушающая, пронзила его, и он отлетел назад, ударившись о ствол сосны. Мир поплыл перед глазами, залитый красной пеленой.

Волколак, издав гортанный, победный звук, приблизился, его пасть, полная слюны и острых зубов, разинулась для смертельного укуса.

И тут что-то в Ратиборе сорвалось с цепи. Боль, страх, ярость, отчаяние – всё то, что копилось в нём с момента проклятия, нашло наконец выход. Это была не контролируемая Ярь, как в бою со степняками. Это было извержение. Вулканический выброс чистой, необузданной ненависти – к себе, к миру, к этому чудовищу, олицетворявшему всю его боль.

По его телу, не плавно, а взрывом, проступили золотые знаки. Но свет их был не чистым, не солнечным. Он был багровым, как запёкшаяся кровь, искажённым и ядовитым. Внутренний огонь, искалеченный проклятием, горел теперь топливом его собственного отчаяния.

Он не думал. Он действовал.

Когда пасть Волколака сомкнулась на том месте, где секунду назад была его голова, Ратибор, движимый слепым инстинктом, рванулся вперёд. Его собственная рука, пылающая искажённой Ярью, вонзилась не в тело зверя, а в его шею, чуть ниже челюсти.

Не было изящества. Не было техники. Была лишь грубая, животная мощь. Его пальцы, усиленные вырвавшейся на свободу силой, впились в плотную кожу, мышцы и пробили трахею.

Волколак взревел. Но это был не рёв ярости, а рёв невыносимой агонии. Он затряс головой, пытаясь сбросить с себя

это пылающее существо, но Ратибор вис на нём, как пиявка, его рука уходила всё глубже, и багровый свет его Яри прожигал плоть зверя изнутри.

Началась дикая, кровавая свалка. Они катались по земле, вырывая с корнем папоротники, ломая молодые деревца, вздымая тучи прелой листвы и хвои. Волколак рвал его когтями, оставляя на спине и плечах глубокие, кровоточащие раны. Ратибор в ответ впивался в него, кусал, бил, используя свою силу как дубину, а не как клинок. Это была не битва воина с чудовищем. Это была драка двух зверей, двух воплощений ярости и боли.

В какой-то момент Ратибор, оказавшись сверху, прижал Волколака к земле. Зверь бился под ним, издавая хриплые, захлёбывающиеся звуки. Их взгляды встретились. И в красных, безумных глазах оборотня Ратибор увидел то, что заставило его кровь застыть в жилах.

Он увидел не просто зверя. Он увидел того, кем сам мог стать. Существо, целиком состоящее из гнева и боли, потерявшее всё человеческое, ставшее рабом своей собственной, искажённой природы. В этом взгляде была та же ярость, то же отчаяние, та же бездонная пустота, что зрела в его собственной душе.

И в этот миг его собственная ярость иссякла. Она выгорела, оставив после себя лишь пепел и леденящую усталость. Багровый свет на его коже померк, сменившись тусклым, болезненным свечением.

Волколак, почувствовав ослабление хватки, сделал последний, судорожный рывок и вырвался. Он отполз, тяжело дыша, из его шеи хлестала тёмная, почти чёрная кровь. Он посмотрел на Ратибора ещё раз – взглядом, в котором уже не было ярости, а лишь животный, неприкрытый ужас, – и, повернувшись, скрылся в чаще, оставляя за собой кровавый след.

Ратибор остался сидеть на земле, вся его одежда была изорвана в клочья и пропитана кровью – его собственной и зверя. Тело ломило от невыносимой боли, особенно в груди, где, он знал, были сломаны рёбра. Физические раны были ужасны, но душевная – ещё страшнее.

Он победил. Выжил. Но победа не принесла ему ни облегчения, ни торжества. Он смотрел на свои окровавленные руки, на клочья звериной шерсти под ногтями, и чувствовал лишь глубочайшее омерзение. К чудовищу. К себе. К той силе, что превратила его в подобие этого жестокого, одинокого зверя.

Он поднял голову. Лес вокруг молчал, притихший после короткой, но яростной вспышки насилия. И в этой тишине он понял самую страшную правду. Его величайший враг был не снаружи. Он был внутри. И эта битва, жестокая и кровавая, была лишь первым раундом в долгой, безнадёжной войне с самим собой.

Глава 10: Переправа Забвения

Он шёл. Не зная дня, не зная ночи, не ощущая ничего, кроме всепоглощающей, свинцовой тяжести в ногах и огненной боли в груди, где каждое дыхание отзывалось острым, щемящим уколом. Сломанные рёбра, не знавшие ни знахарской повязки, ни костоправного искусства, срастались сами по себе, криво и болезненно, создавая при каждом движении ощущение, будто в груди у него застрял осколок ржавого железа. Раны, оставленные когтями Волколака, воспалились и гноились, источая сладковато-приторный запах, который смешивался с запахом его собственного немытого тела, пыли и отчаяния. Он был похож на раненого зверя, который, истекая кровью и силой, инстинктивно ползёт куда-то, движимый лишь смутным позывом найти место, где можно умереть в одиночестве.

Лес, сперва густой и неприветливый, начал редеть. Сосны и ели уступали место чахлым, кривобоким берёзкам, осинам с дырявыми от червей листьями, а потом и вовсе исчезли, открыв взору унылую, болотистую равнину, затянутую в серую, сырую пелену предрассветного тумана. Воздух здесь был тяжёлым, насыщенным влагой и запахом гниющих водорослей, тины и чего-то древнего, затхлого. Земля под ногами проваливалась, чавкала, обнажая чёрную, маслянистую грязь, и с каждым шагом ему приходилось выдергивать ноги

из цепких объятий трясины, тратя на это последние остатки сил.

И вот сквозь пелену тумана он увидел Воду.

Это была не река в привычном понимании. Она текла не между берегов, а словно разлилась по самой равнине, широкая, мутная и неподвижная. Вода в ней была цвета олова, густая и вязкая, больше похожая на расплавленный металл, и на её поверхности не было ни ряби, ни течения. Она лежала, как огромное, спящее чудовище, испуская из своих недр леденящий холод. Туман над ней был гуще, чем где-либо ещё, и сквозь него едва проступал противоположный берег – тёмная, неясная полоска земли, казавшаяся бесконечно далекой.

Ратибор остановился на самом краю, там, где чавкающая грязь сменялась чёрной, скользкой галькой, уходящей под воду. Он знал, что это за место. Знание это пришло не из рассказов или преданий, а из самых потаённых глубин его памяти, из тех уголков души, где хранятся архетипы, общие для всех детей Яви. Река Забвения. Граница между миром живых и царством теней. Пересечь её означало окончательно порвать с прошлой жизнью.

И он понял, что это – его путь. Дальше идти было некуда. Явь отторгла его. Лес пытался убить. Эта мрачная, безжизненная вода была единственным, что оставалось.

Как будто в ответ на его мысли, из тумана над водой медленно выплыла лодка. Длинная, узкая, выдолбленная из

цельного ствола чёрного, отполированного временем и водой дерева. Она двигалась без вёсел, без паруса, скользя по неподвижной воде абсолютно бесшумно. В лодке стояла фигура. Высокая, худая, закутанная в длинный, тёмный, влажный плащ, с капюшоном, нависшим над лицом и скрывающим его черты. В его длинных, костлявых пальцах был древно-шесть, которым он, казалось, лишь слегка отталкивался от невидимого дна.

Лодка бесшумно причалила к галечному берегу. Фигура не двигалась, не произносила ни слова. Она просто ждала.

Ратибор сделал шаг вперёд. Камень под его ногой звякнул, и звук этот был до ужаса громким в окружающей тишине.

– Мне нужно переправиться, – сказал он, и его голос прозвучал хрипло и чуждо.

Фигура в лодке медленно повернула голову в его сторону. Из-под капюшона на него уставилась пустота. Там не было лица. Не было глаз. Был лишь глубокий, бездонный мрак, в котором на мгновение мелькнуло отражение его собственного, измождённого лица.

«Плата,» – прозвучал голос. Но звучал он не в ушах, а прямо в сознании, холодный, безжизненный, лишённый всяких интонаций. Это был голос самой реки, голос забвения.

– У меня нет ничего, – честно сказал Ратибор, разводя руками. – Ни злата, ни серебра. Только то, что на мне.

«Не злато,» – отозвался голос. – «Память.»

Ратибор замер. Холод, исходивший от реки, казалось,

проник внутрь него и сжал сердце ледяной дланью.

– Какую? – едва выдохнул он.

«Ту, что дороже всего. Ту, что держит тебя в этом мире. Самую светлую. Цена переправы – твоё самое яркое воспоминание.»

У Ратибора перехватило дыхание. Он отшатнулся, будто получив физический удар. Отдать память? Самую светлую? Это было хуже смерти. Это означало убить в себе последнее, что связывало его с человечностью, с любовью, с тем, ради чего, в сущности, и стоило жить. Он окинул взглядом внутреннюю сокровищницу своей души, и перед ним, как яркие вспышки, пронеслись образы. Первая охота с отцом. Радость возвращения дружины с победой. Лицо матери, улыбающейся ему в детстве. Но над всеми ними, как самое яркое, самое глущее и самое болезненное, сияло одно.

Милана. Их первая встреча. Не на пиру, не при всех, а тайком, у старого дуба на опушке леса. Её смущённая улыбка. Запах луговых цветов в её волосах. И тот миг, когда он, забыв о всей своей воинской доблести, робко наклонился и коснулся её губ своими.

Первый поцелуй.

В этом воспоминании была не просто юношеская страсть. В нём была вся его несбывшаяся жизнь. Все его надежды. Вся чистота и невинность того времени, когда мир был прост, а будущее – безоблачно. Отдать это? Это всё равно что вырвать из груди собственное сердце и бросить его в мутные

воды забвения.

— Не могу... — прошептал он, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Всё, что угодно... но только не это...

«Тогда оставайся,» — безразлично произнёс голос. — «Броди по этому берегу. Болотные твари скоро почуют твою кровь. А твоя тоска... твоя тоска сама сведёт тебя с ума. Здесь нет пути назад. Только вперёд. Через меня.»

Ратибор смотрел на неподвижную воду, на тёмную полоску того берега. Он вспомнил взгляд Волколака. Вспомнил шёпот Кикиморы. Вспомнил камни и проклятия своего рода. Его жизнь здесь, на этом берегу, была обречена на бесконечные страдания и медленное, мучительное опускание на дно отчаяния. Его прошлое, которое он так лелеял, стало для него ядом. Оно жгло изнутри, не давая забыться, не давая двигаться вперёд.

И он понял. Чтобы выжить, чтобы продолжить этот бессмысленный, проклятый путь, он должен умереть. Не физически, а духовно. Он должен убить в себе того юношу, который верил в любовь и счастье. Он должен принести в жертву самое дорогое, что у него осталось.

Ратибор закрыл глаза. Он вновь вызвал в памяти тот миг. Тепло летнего солнца на коже. Шелест листьев дуба. Запах земли и цветов. Её лицо, улыбку, испуганные и счастливые глаза. Ощущение мягких, чуть дрожащих губ под его губами. Он погрузился в это воспоминание, вжился в него, вдохнул его аромат, прочувствовал каждую секунду. Он прощался.

Потом Ратибор открыл глаза. В них больше не было слёз. Была лишь пустота, более страшная, чем та, что скрывалась под капюшоном Перевозчика.

– Бери, – сказал он, и его голос был тих и безразличен, как гладь воды впереди.

Из-под капюшона протянулась длинная, бледная, почти прозрачная рука. Она не коснулась тела. Но прошла сквозь него, сквозь кожу, мышцы и кости, прямо в грудь, в самое сердце его души. Ратибор не почувствовал боли. Он почувствовал лишь странное, щемящее ощущение потери, будто что-то огромное и важное вырвали из него с корнем.

И воспоминание ушло.

Он всё ещё помнил Милану. Помнил, что любил её. Помнил, что она была дочерью Светозара. Но сам миг, сама суть, сама эмоция того первого поцелуя – тепло, счастье, трепет, невинность – исчезли. На их месте зияла чёрная, холодная пустота. Он мог описать это событие словами, как пересказывают чужую историю, но больше не мог его пережить. Оно стало плоским, безжизненным, лишённым души.

Рука Перевозчика скрылась в складках плаща. Он молча отступил в лодку, дав ему знак следовать за собой.

Ратибор ступил в утлое судёнышко. Лодка даже не качнулась под его тяжестью, будто он был невесом. Перевозчик упёрся шестом в невидимое дно, и лодка бесшумно заскользила по оловянной воде.

Путешествие было коротким и столь же беззвучным, как и

всё вокруг. Туман сгущался, закручиваясь вокруг них в причудливые, тоскливые видения – тени былых жизней, обрывки чужих воспоминаний, которые река поглотила за тысячелетия. Ратибор смотрел в воду и видел в её мутной глубине искажённые отражения – своё лицо, но не то, что было сейчас, а то, каким оно могло бы быть, если бы не проклятие. Он видел себя с Миланой, смеющегося, счастливого. Но эти видения не вызывали в нём ничего, кроме лёгкого, холодного любопытства. Они были как сны другого человека.

Лодка коснулась противоположного берега. Он был таким же серым и унылым, но земля здесь была твёрже, и вдали снова виднелся лес – тёмный, угрюмый, но все же лес, а не болото.

Ратибор вышел на берег. Он обернулся. Лодка и Перевозчик уже растворились в тумане, словно их и не было.

Он стоял на новом берегу. Он был тем же человеком – с тем же телом, теми же шрамами, тем же проклятием. Но внутри он был иным. Что-то важное, что делало его тем юношей, каким он был когда-то, навсегда осталось в мутных водах реки Забвения. Его боль никуда не делась, но она стала другой – не острой и режущей, а тупой, фоновой, как неизлечимая болезнь.

Ратибор сделал шаг вперёд. Потом другой. Он не знал, куда идёт. Он не знал, зачем. Но он знал, что назад пути нет. Позади осталась не только река, но и его прошлая жизнь, его прежнее «я». Впереди был только путь. Путь изгиба. Путь

проклятого.

И он пошел по нему, не оборачиваясь, унося в своей душе не память о счастье, а лишь тяжёлую, как камень, уверенность в том, что его странствие только начинается.

Глава 11: Каменные Стражи

Путь от скверных вод Забвения был не столько физическим перемещением, сколько блужданием по лабиринту собственной опустошённой души. Ратибор шёл, не видя дороги, не чувствуя под ногами ни камней, ни корней. Внутри него царила тишина, более глубокая и безжизненная, чем на болотах. Он был подобен выпотрошенной утробе, из которой извлекли самое ценное, оставив лишь холодную, пульсирующую пустоту.

Леса, которые окружали его теперь, были иными. Не чахлыми и болотистыми, а древними, величественными. Сосны здесь были толщиной в несколько обхватов, их верхушки терялись где-то в небесной выси, а кора, покрытая узорами из лишайников, напоминала кожу древних исполинов. Воздух был чистым, холодным и пах смолой, и влажным мхом. Свет, пробивавшийся сквозь гигантские лапы ветвей, ложился на землю золотистыми лоскутами, в которых танцевали мириады пылинок.

Ратибор шёл, повинувшись неведомому зову, некоему смутному импульсу, что теплился на дне его опустошённого сердца. Ноги сами несли вперёд, вглубь этой немой, безлюдной чащи. Усталость была его постоянной спутницей, свинцовой пеленой, окутавшей разум и тело. Раны, хоть и затянувшиеся, ныли при каждом шаге, напоминая о схватке с Волкола-

ком, а сломанные рёбра отзывались резкой болью при слишком глубоком вдохе.

И вот, сквозь частокол вековых стволов, он увидел их.

Сперва это были лишь серые тени, неясные и громадные. Но чем ближе он подходил, тем более грандиозное зрелище открывалось взору. На обширной, идеально круглой поляне, поросшей коротким изумрудным мхом, стояли Камни. Не просто валуны, принесённые ледником, а исполинские, грубо отёсанные глыбы, врытые в землю вертикально. Они образовывали идеальный круг, и каждая глыба была выше двух рослых мужчин. Их поверхность, серая и шершавая, была испещрена выветренными за тысячелетия рунами и символами, смысл которых был давно утрачен для людей, но которые, казалось, всё ещё хранили в себе эхо древней, нечеловеческой мощи.

Это были Гридневы Камни. Сердце древнего святилища, место силы, существовавшее здесь задолго до прихода славянских племен, задолго до того, как первые жрецы начали славить своих богов.

Ратибор остановился на краю поляны, охваченный странным чувством. Это не был страх. Не был трепет. Это было ощущение... пристанища. Давление проклятия, та незримая тяжесть, что сжимала его грудь с момента ухода из селения, здесь, внутри этого каменного круга, словно ослабевало. Воздух внутри был иным – плотным, насыщенным, словно заряженным тихой, безмолвной энергией. Здесь не было

шёпота Нави, не было враждебности леса. Была лишь глубокая, всепоглощающая тишина и покой вечности.

Словно лунатик, он переступил черту, отделяющую обычный лес от священного пространства. И в тот же миг его накрыла волна абсолютного, физического истощения. Ноги подкосились, и он рухнул на мягкий, упругий мох в самом центре каменного круга.

Ратибор не пытался бороться. Просто позволил истощению поглотить себя. Глаза закрылись, и сознание начало уплывать в тёмные, бездонные воды забвения. Но это не был тот тревожный, прерывистый сон, что посещал его раньше. Это был сон-погружение, глубокий и целительный.

Ему приснился сон.

Он стоял в полной тьме. Не в ночной тьме леса, а в абсолютной, беззвёздной пустоте, где не существовало ни времени, ни пространства. И в этой тьме, в бесконечной дали, зажёгся свет. Не ослепительная вспышка его собственной Яри, не холодное мерцание болотных огней. Это был тёплый, ровный, золотистый свет, похожий на отблеск далёкого, но невероятно доброго и могущественного очага. Он не слепил, а ласкал взор. Не обжигал, а согревал самую душу.

Этот свет не звал его, не манил. Он просто был. Существовал. И в самом его факте существования заключалось обещание. Обещание того, что где-то, как бы далеко это ни было, всё ещё есть место, где нет ни боли, ни проклятия, ни одиночества. Место, где тьма не всесильна.

И тогда, сквозь сон, Ратибор почувствовал нечто новое. Что-то, чего он не ощущал с момента изгнания. Что-то хрупкое, едва зародившееся, похожее на первый зелёный росток, пробивающийся сквозь толщу пепла.

Ещё не надежду. Её семя.

Он спал. Спал крепко, убаюканный мерным, древним дыханием Камней. Мох был мягок и прохладен, как лучшая перина. Ветер, гулявший на воле, не смел переступить границу круга, и тишина здесь была не мёртвой, а живой, наполненной биением самой земли.

Впервые за долгие дни и ночи, полные страха, боли и отчаяния, его лицо, измождённое и покрытое пылью и кровью, хоть на мгновение, но расслабилось. Мышцы вокруг рта и глаз разгладились. Он нашёл не убежище – убежище можно найти и в пещере, полной хищников. Он нашёл пристанище. Место, где сама мировая ось, казалось, была крепка и нерушима, и где даже проклятому было дозволено на время забыть о своей ноше и просто... быть.

А над ним, незыблемые и безмолвные, стояли Каменные Стражи, впитывая в себя лунный свет, что наконец пробился сквозь разорвавшиеся тучи, и храня сон того, кто, сам того не ведая, сделал свой первый шаг от бегства – к странствию.

Глава 12: Лесной Наставник

Сон, что посетил Ратибора под сенью Гридневых Камней, был не просто отдыхом для измученного тела, но бальзамом для истерзанной души. Когда Богатырь открыл глаза, мир предстал перед ним не в привычных серых и кровавых тонах отчаяния, а в странной, новой ясности. Лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь величественный полог леса, падали на каменные глыбы, и те словно отвечали им тихим, едва уловимым свечением изнутри, будто в их гранитной груди бились сердца из спящего света. Воздух, чистый и холодный, обжигал лёгкие, но не болью, а живительной свежестью, смывая остатки дурмана скверны и страха.

Он лежал на мху, взирая на высокий, синий купол неба, и чувствовал себя не беглецом, прижавшимся к древним камням в поисках защиты, а... гостем. Станным, немым пришельцем, которого терпят и за которым безмолвно наблюдают. Давление проклятия никуда не делось, но здесь, в этом круге, оно казалось отдалённым, приглушённым, как гул моря за высокой дюной.

Именно в этот миг тишины и пробуждения появился незнакомец.

Не было ни шелеста, ни хруста ветки. Один из исполинских стволов старой сосны, что стояла на самом краю поляны, словно бы колебнулся, и из его тени ступила фигура. Это

не был дух в привычном, пугающем понимании – призрачный и бестелесный. Он был плотским, осязаемым, но сотканным из самой сути этого леса.

Ростом он был с высокого мужика, но казался выше из-за своей осанки – прямой и величавой, как столетний кедр. Одеждой ему служил плащ из переплетённых живых побегов папоротника, мха и свисающих лишайников, от которого пахло сырой землёй, хвоей и чем-то неуловимо древним. Лицо его было тёмным, как старая, потрескавшаяся кора, испещрённое глубокими морщинами-трещинами, в которых ютилась тень. Глаза, узкие и пронзительные, цвета весенней листвы, горели холодным, но не враждебным светом. В одной руке незнакомец держал посох из причудливо изогнутого корня, увенчанный шишкой, покрытой инеем, которого не могло быть в это утро. Это был Леший. Хранитель Чащи.

Он подошёл и остановился в нескольких шагах от Ратибора, не говоря ни слова. Его взгляд, тяжёлый и размеренный, как течение подземных вод, скользнул по израненному телу воина, по его лицу, на котором застыла печать перенесённых страданий, и, казалось, прочитал всю его историю, как открытую книгу.

Ратибор не испугался. В нём не было ни прежней ярости, ни готовности к бою. Было лишь пустое, усталое спокойствие. Он встретил взгляд духа, и в этой тишине состоялся их первый диалог.

– Ты шумишь, человек, – наконец произнёс Леший. Его

голос был похож на отдалённый шум ветра в вершинах сосен – глухой, многослойный, лишённый человеческих интонаций. – Шумишь не ногами. Шумишь вот этим. – Он не указал пальцем, но Ратибор почувствовал, как взгляд духа коснулся его груди, того места, где таилась его Ярь. – Громом в безоблачный день. Слепой яростью в спящем лесу. Так нельзя.

– Я не искал шума, – тихо ответил Ратибор. – Я искал тишины.

– Тишина не там, где нет звуков, – возразил Леший, и его посох чуть дрогнул, указывая на поляну. – Тишина – там, где каждый звук на своём месте. Жужжание мошки – песня. Хруст ветки под лапой горносталя – предупреждение. Твой же гнев – как топор в руках пьяного дровосека. Рубит, не видя дерева.

Он сделал шаг ближе, и его плащ из мха шевельнулся, словно живой.

– Ты пришёл сюда, искалеченный своей силой. Камни приняли тебя, ибо они старше и твоей ярости, и твоего горя. Но я пришёл научить тебя слушать. Ибо если ты не научишься, твой внутренний гром призовет сюда не только меня.

Леший не стал ждать ответа. Он повернулся и медленно зашагал к опушке. Он не обернулся, но Ратибор понял, что должен следовать. Поднявшись, он почувствовал, как ноги, отдохнувшие за ночь, снова обрели силу, а боль в рёбрах притупилась до терпимой ноющей тяжести.

И начался урок.

Он не был похож ни на что, с чем сталкивался Ратибор прежде. Это не были тренировки с мечом или тактические поучения воеводы. Это было погружение в иное измерение бытия.

– Стой, – говорил Леший, замирая у старой берёзы. – Слушай.

Ратибор замирал, напрягая слух.

– Я не слышу ничего.

– Ты слышишь тишину, – поправил его дух. – Это первое. Теперь слушай глубже. Слышишь? Дятел стучит на сосне за три поля отсюда. Он нашёл жука под корой. Это его дело. Твоему – нет.

Он подвёл Ратибора к ручью, что змейкой струился меж камней.

– Смотри на воду. Не просто смотри. Видь. Видь, как она огибает камень. Она не борется с ним. Она его... уважает. И проходит дальше. Твоя сила – как паводок. Считает всё на пути. И остаётся лишь голая, бесплодная земля.

Он учил его языку зверей. Не словам, а знакам. Как по положению ушей волка понять, охотится он или просто проходит мимо. Как по крику сороки узнать, что в лес вошёл чужак. Леший заставлял прикасаться к коре деревьев, чувствовать её шершавость, всматриваться в узоры – летопись бурь и засух, выписанную самой природой.

– Дерево не спешит, – говорил Леший, положив свою тём-

ную, корявую ладонь на ствол векового дуба. – Оно растёт. Иногда – целую вечность. Ты же хочешь всё и сразу. Срубить. Сжечь. Победить. Ты не воюешь с лесом, человек. Ты в нём гость. Или... часть его.

Как-то раз, когда они сидели на закате, слушая, как лес засыпает, Леший спросил:

– Зачем ты пришёл сюда? Бежать от людей?

Ратибор молчал, глядя на багровеющее небо.

– Я... не могу быть с ними.

– Потому что несёшь им горе? – уточнил дух.

– Да.

Леший издал звук, похожий на скрип старого дерева.

– Горе... горе приносят бури, пожары, мор. Ты – не буря. Ты – человек с огнём в груди. Огонь может спалить дерево. А может... осветить путь в крошечной тьме. Пока что ты знаешь только первый путь.

Впервые за многие дни кто-то говорил с Ратибором не как с монстром, не как с героем, не как с проклятым. С ним говорили как с человеком. Пусть и человеком заблудшим, несущим в себе опасную силу. И в этом простом, лишённом страха и ненависти общении была странная, исцеляющая сила.

Он не стал другом. Леший, существо природы, не знал дружбы в человеческом понимании. Он был Наставником. Хранителем. И он видел в Ратиборе не только угрозу для своего леса, но и... потенциал. Запутанный, искалеченный, но потенциал.

Когда солнце скрылось и в лесу воцарилась прохладная, звёздная ночь, Леший повернулся к Ратибору.

– На сегодня достаточно. Ты научился слышать тишину. Это начало. Завтра я научу тебя слушать землю. А после... может быть, ты научишься слушать самого себя. Без гнева. Без страха.

И он растворился в сумерках, став частью тени, частью леса, частью ночи.

Ратибор остался один. Но одиночество его в этот раз не было гнетущим. Он сидел у подножия Камня, глядел на звёзды и прислушивался. И теперь он слышал. Слышал, как где-то далеко ухает филин, возвещая свою власть над ночью. Слышал шелест полёвки в траве. Слышал мерное, могучее дыхание спящего леса.

И впервые его собственная, буйная и раненная сила, его Яр, не рвалась наружу, не требовала выхода. Она, казалось, притихла, прислушиваясь вместе с ним к древней, мудрой музыке мира, в котором ему, вопреки всему, было дозволено задержаться.

Глава 13: Навьи у Порога

Следующие дни слились для Ратибора в единый, размеренный поток учения и тишины. Под руководством Лешего он постигал мир, который всегда был у него перед глазами, но оставался глухим и немым. Теперь же лес заговорил с ним. Он научился различать не просто шорохи, а целые повествования: по тому, как смолкали птицы на определённом участке, он узнавал о приближении рыси; по едва уловимой дрожи муравейника предчувствовал смену погоды; по направлению, в котором склоняли свои метёлки травы, определял близость подземных вод.

Леший был безжалостным, но мудрым учителем. Он не объяснял, а показывал. Заставлял Ратибора часами лежать неподвижно, сливаясь с землёй, наблюдая за жизнью лесной сони или за тем, как паук создаёт свою сеть.

– Сила не в том, чтобы быть громче всех, – говорил дух, спокойным голосом. – А в том, чтобы быть частью хора. Ты всё ещё ревёшь солистом, а хор уже давно поёт свою песню без тебя.

Ратибор слушал. И его собственная ярь, буйная и испуганная, понемногу начинала утихать. Никогда не исчезала полностью, но переставала быть слепым, бунтующим зверем. Теперь она была скорее спящим драконом в груди, чьё дыхание он учился чувствовать и чью мощь – уважать, а не бо-

яться.

Но с наступлением темноты всё менялось. Как только солнце скатывалось за зубчатый гребень дальних гор и фиолетовые тени начинали пожирать золото заката, в воздухе повисало нечто новое. Предчувствие.

Впервые Ратибор ощутил его на третий день. Они с Лешим стояли у ручья, и дух показывал, как по цвету вечерней зари на воде предугадать заморозки. И вдруг Ратибор почувствовал лёгкий, ледящий озноб, пробежавший по коже – не от холода, а изнутри. Леший замолчал на полуслове. Его глаза, цвета хвои, сузились, и он направил взор к границе каменного круга.

– Они идут, – произнёс дух просто, без страха, но с оттенком древней, усталой досады, с какой садовник отмечает нашествие саранчи.

– Кто? – спросил Ратибор, инстинктивно сжимая кулаки. Шрам, оставленный проклятием на его душе, дрогнул и занял.

– Голодные, – ответил Леший и, не сказав больше ни слова, растворился в сгущающихся сумерках, оставив Ратибора наедине с надвигающейся ночью и непонятной угрозой.

Той ночью они не пришли. Но ощущение неведомого приближения витало в воздухе, как запах далёкого пожара. Ратибор не сомкнул глаз до утра, сидя спиной к одному из менгиров и чувствуя, как холодный камень отдаёт в спину слабый, успокаивающий импульс.

На следующую ночь всё повторилось, но предчувствие было сильнее. А на третью – они пришли.

Сначала край солнца лишь коснулся горизонта, окрасив небо в кроваво-багровые тона. И тут же, словно по сигналу, лес вокруг Гридневых Камней замер. Смолкли последние птицы. Прекратилось стрекотание кузнечиков. Даже ветер, игравший на верхушках сосен, стих, будто притаился. Воцарилась та самая мёртвая тишина, о которой предупреждал Леший, – не живая и насыщенная, а пустая, выжженная.

И тогда из-за деревьев, из самых глубин сгущающихся сумерек, выползла Тьма. Но не ночная тьма, естественная и полная звёзд. Это была иная субстанция – живая, тягучая, холодная. Она стелилась по земле, как чёрный, маслянистый туман, и там, где она касалась мха и травы, растения словно выцветали, теряя жизненную силу, покрываясь инеем, которого не могло быть в этот тёплый вечер.

Из этой тьмы начали проявляться фигуры. Вначале – лишь смутные очертания, похожие на искажённые, вытянутые тени, отбрасываемые несуществующим светом. Потом они обрели форму. Высокие, неестественно худые силуэты, будто сложенные из дыма и ночного холода. Навьи.

Они не шли. Плыли, не касаясь земли, их нижние части тел терялись в клубящейся черноте. У существ не было лиц, лишь бледные, расплывчатые маски, на которых светились две точки – не глаза, а дыры в саму пустоту, полные немого, ненасытного голода. Тени были безмолвны, но от них исхо-

дил звук — едва уловимый, высокочастотный визг, который воспринимался не ушами, а самой костью, вызывая тошноту и сжимая сердце ледяными пальцами.

Они подплыли к самому краю каменного круга и остановились. Казалось, невидимая стена, прозрачная, но непреодолимая, отделяла священное пространство от леса. Навьи выстроились в ряд, их бестелесные формы колыхались на месте, и их безглазые лики были обращены внутрь круга. На Ратибора.

Богатырь же стоял в центре, ощущая, как по спине струится холодный пот. Ярь зашевелилась внутри, не как призыв к бою, а как испуганный зверь, почуявший смертельного врага. Ратибор смотрел на этих тварей, и в их безмолвном присутствии было нечто более ужасное, чем в ярости Волколака. Это был не гнев, не злоба — холодный, бездушный голод. Голод, направленный конкретно на него.

Одна из Навей медленно подняла свою полупрозрачную, похожую на коготь длань и протянула её к границе круга. Воздух там затрепетал, и по поверхности невидимого барьера побежали слабые, синеватые искры, словно камень отвечал на прикосновение скверны. Навь отдернула руку, и от места соприкосновения пополз вязкий, тёмный дымок.

И тогда чудища начали свою атаку. Не физическую. Ментальную.

Тишину разорвал шёпот. Он исходил не из одной точки, а отовсюду, окружая Ратибора, проникая в самое сознание.

- Один... – прошелестел голос, похожий на скрип гроба.
- Одинокый... – подхватил другой, холодный, как лёд в проруби.
- Кто ты покинутый?..
- Кто проклял?..
- Мать плачет...
- Невеста забывает...
- Ты никому не нужен...
- Только нам...
- Мы дадим покой...
- Вечный холод... вечный покой...

Тени не просто говорили. Они вкладывали в свои слова образы. Перед внутренним взором Ратибора проплыло бледное, залитое слезами лицо матери. Возник призрачный образ Миланы, отвернувшейся от него и уходящей в объятия другого. Он услышал смех своих дружинников, пирующих без него. Существа вытаскивали наружу все самые тёмные страхи, все самые острые углы его вины и одиночества, и на низывали их на ледяную нить своего шёпота.

Это было хуже любой битвы. Против стали и когтей Богатырь мог выставить свою силу. А что он мог противопоставить этому? Чем можно было отразить собственное отражение, искажённое до неузнаваемости в кривых зеркалах Нави?

Он упал на колени, вцепившись пальцами в упругий мох, пытаясь удержаться в реальности. Шёпот становился всё на-

вязчивее, образы – ярче и мучительнее. Ратибор чувствовал, как холод, исходящий от Нави, начинает просачиваться сквозь защиту камней, окутывая тело ледяным саваном. Он закрыл глаза, но это не помогало – видения возникали прямо в мозгу.

– Присоединяйся... – шипели твари, и их голоса сливались в один оглушительный хор. – Смерть усталости... забвение боли...

И в этот миг абсолютного отчаяния, когда воля была готова дрогнуть, он вспомнил. Вспомнил урок Лешего. «Слушай землю».

Стиснув зубы, сквозь шум в ушах и леденящий шёпот, он начал прислушиваться. Не к ним. К камню, под которым сидел. Ратибор впился пальцами в мох, чувствуя под ним твёрдую, прохладную поверхность менгира. И он услышал.

Не звук. Ощущение. Тихое, мощное, незыблемое биение. Ритм, который был старше этих тварей, старше его горя, старше самого леса. Это был пульс самой земли. Нерушимый. Вечный.

Богатырь сосредоточился на этом ритме. Сделал его своим щитом. Он не пытался заглушить шёпот – он просто позволил ему быть, как позволяют дождю стучать по крыше, оставаясь внутри дома, у очага.

И это сработало. Образы стали блёкнуть. Шёпот – отдаляться, словно доносясь из-за толстой стеклянной стены. Холод отступил, не исчезнув полностью, но перестав быть все-

поглощающим.

Он поднял голову. Навьи всё так же стояли за чертой, их безликие маски были по-прежнему обращены к нему. Но теперь в их безмолвном внимании Ратибор уловил нечто новое. Не разочарование, а... любопытство. И злорадное ожидание. Они не ушли. Просто отступили на шаг, поняв, что лёгкой добычи не будет. Твари были терпеливы. У них была вся вечность.

Ратибор медленно поднялся на ноги. Его колени дрожали, но он стоял прямо. Он больше не смотрел на них. Смотрел на камни вокруг, на эти древние стражи, что дали ему приют и защиту. И впервые почувствовал не просто благодарность, а нечто вроде... родства. Он был таким же, как они – одиноким островом в бушующем море тьмы. Но островом нерушимым.

Ночь тянулась мучительно долго. Навьи не предпринимали новых попыток прорваться или сломить волю. Они просто стояли и ждали. Своим молчаливым присутствием напоминая: твоё убежище – временно. Ты не можешь сидеть здесь вечно. И когда выйдешь... мы будем ждать.

А где-то в глубине леса, невидимый, но осязаемый, стоял Леший. И наблюдал. Испытание продолжалось.

Глава 14: Пробуждение Камня

Ночь, проведённая в кольце безмолвных, ненавидящих взглядов, казалась вечностью, вырванной из самого сердца мрака. Рассвет не развеял тьму, а лишь разбавил до состояния грязно-серого, унылого молока. Навьи не исчезли с первыми лучами. Они медленно, нехотя, словно тающий на ветру иней, растворились в подлеске, оставив после себя лишь выцветшие, покрытые мертвенной росой пятна на мху и ледящее душу ощущение их незримого присутствия. Твари отошли, но не ушли. Ратибор чувствовал их взгляды, уставленные на него из-за каждого ствола, из каждой тени, голодные и терпеливые.

Он стоял в центре круга, тело дрожало от нервного истощения и непрожитого до конца ужаса. Всё его существо, каждая клетка, кричала о необходимости действия. Бежать? Но куда? За пределами круга ждал не просто лес, а вся совокупность Нави, привлечённая запахом проклятия. Остаться? Это означало медленное безумие, измор, смерть от голода и жажды под аккомпанемент беззвучных насмешек из-за черты.

Ярь, усмирённая уроками Лешего, снова зашевелилась в глубине. Но на сей раз это было не слепое, яростное пламя, требовавшее выхода. Это был тревожный, настороженный зверь, почуявший ловушку. Она билась в груди, упира-

лась, ища способа защититься, и не находя его.

И тогда взгляд упал на менгиры. На этих безмолвных, вечных стражей, что дали приют. Они просто стояли, неподвижные и величественные, и в их каменном спокойствии была какая-то невыносимая для его отчаянного положения пассивность. Они защищали, но не действовали. Были щитом, но не мечом.

Отчаянная, безумная мысль зародилась в измождённом сознании. Если его сила – это огонь, а их – неподвижность, земля, камень... можно ли это соединить? Направить бушующее внутри пламя не на разрушение, а на... питание, усиление?

Это была ересь. Глупость. Самоубийство. Все прежние инстинкты кричали, что ярь может только жечь. Но что, если Леший был прав? Что если Ратибор просто не умел пользоваться ею иначе?

Сжав зубы, он подошёл к одному из менгиров – самому крупному, на серой поверхности которого руны были высечены глубже всего. Медленно, почти благоговейно, поднял руку. Ладонь, исчерчённая шрамами и ещё не зажившими царапинами, зависла в сантиметре от шершавой поверхности камня. Ратибор боялся. Боялся, что прикосновение осквернит святыню. Что его ярь, это дикое, искалеченное проклятием пламя, взорвёт древний камень, превратив его в груды щебня, и лишит его последнего убежища.

Но иного выбора не было.

Он закрыл глаза и погрузился внутрь себя. Туда, где бушевало море золотого огня, окружённое со всех сторон чёрными скалами отчаяния и вины. Богатырь не стал пытаться вырвать силу, выпустить наружу. Вместо этого он начал... уговаривать. Не силой воли – тот метод всегда приводил к взрыву, – а неким внутренним жестом, заимствованным у тишины леса. Ратибор представил себя не повелителем этой силы, а... руслом. Проводником.

Вспомнил ручей, огибающий камень. Не борющийся, а принимающий его форму и текущий дальше.

Медленно, невероятно медленно, направил тонкий, сдерживаемый ручеек яри из груди в руку. Ратибор чувствовал, как золотые знаки загораются под его кожей, но на сей раз не ослепительной вспышкой, а ровным, глубоким свечением, будто раскалённый металл, а не пылающая солома. Жар растекался по жилам, но это был не разрушительный жар – это была концентрация. Фокусировка.

И он прикоснулся.

Ладонь легла на холодный, шершавый камень.

Первое ощущение было шоком. Камень не взорвался. Не раскололся. Он... ответил.

Сперва это было едва уловимое колебание, глухой, низкочастотный гул, который отозвался в костях Ратибора. Потом в месте под ладонью камень начал теплеть. Не от яри, а изнутри, будто что-то древнее и могучее пробуждалось от долгого сна.

По поверхности менгира, от точки соприкосновения с рукой, побежал свет. Не его собственный, золотой и яростный, а – белый, молочный, ровный и невероятно спокойный. Он струился по высеченным рунам, заполняя их, как вода заполняет высохшее русло, и они начинали сиять изнутри мягким, фосфоресцирующим свечением. Свет распространялся по всему камню, и вскоре весь менгир превратился в гигантскую, вертикальную свечу, излучающую чистый, безвредный, но абсолютно непреодолимый свет.

Эффект был мгновенным и ошеломляющим.

Тишину за пределами круга разорвал нечеловеческий, многоголосый визг – звук лопающегося стекла, смешанный с шипением раскаленного железа, опущенного в ледяную воду. Из-за деревьев, из теней, из самой земли вырвались клубы чёрного, вязкого дыма – Навьи, застигнутые врасплох этим неожиданным излучением. Свет менгира не жёг их, как огонь. Он... растворял. Развеивал. Бестелесные формы корчились, таяли и расползались, как чернильные кляксы на промокашке, под воздействием этого ровного, святого сияния.

Визг стих так же внезапно, как и начался. Давление, висевшее над поляной, исчезло. Воздух снова стал легким и приятным. Лес вокруг, казалось, выдохнул, и в его глубине снова слышалось осторожное щебетание птиц.

Ратибор отёрнул руку, потрясённый. Свечение менгира медленно угасало, возвращая камню его обычный, серый

вид. Но в воздухе ещё висело тепло, и по коже бежали мурашки от высвобожденной энергии.

Он смотрел на свою ладонь, потом на камень. И не верил в то, что произошло. Носитель проклятия, источник скверны и горя, только что... очистил. Защитил. Использовал свою силу не для того, чтобы отнять жизнь, а чтобы сохранить её. Чтобы усилить древнюю защиту этого места.

Это было откровение. Глубокое, потрясающее.

Он не просто научился сдерживать свою ярь. Нашел ей иное применение. Пусть пока лишь в связке с внешним источником силы, с этим древним святилищем. Но это был прорыв, луч света в кромешной тьме судьбы.

Ратибор стоял, прислонившись спиной к менгиру, и смотрел на очищенную, залитую утренним солнцем поляну. Он был всё так же проклят, одинок. Но теперь знал то, чего не знал вчера. Его сила могла не только разрушать. Но и защищать. И в этом знании, крошечном и хрупком, как первый весенний росток, таилось нечто, что было сильнее страха, сильнее отчаяния. Таилось семя цели.

Глава 15: Воевода Тлена

Тишина, воцарившаяся после изгнания Навей, была звенящей и хрупкой, словно тончайшее стекло, способное разбиться от самого громкого вздоха. Солнце поднялось выше, заливая поляну живительным золотом, но Ратибор не мог избавиться от ощущения, что этот свет — лишь временная передышка, тонкая плёнка, брошенная на бездонный колодец тьмы, зияющий за пределами круга. Воздух, очищенный от скверны, всё ещё хранил едва уловимый привкус тлена, словно запах далёкого, но не погасшего пожара.

Леший не появлялся. Он дал своему ученику пройти первое испытание, и теперь наблюдал, готовясь ко второму, более суровому. Ратибор чувствовал незримый взгляд, ощущал безмолвный вопрос: «Что ты сделаешь с этим новым знанием?»

Богатырь провёл весь день в тщетных попытках повторить свой успех. Прикасался к другим менгирам, пытаясь направить в них ручеек яри, но камни оставались холодными и немymi. Лишь тот, первый менгир, на который Ратибор возложил руку в порыве отчаяния, отзывался слабым, едва заметным теплом, напоминая о случившемся чуде. Казалось, для истинного пробуждения камня требовалось не только умение, но и искренняя, безрассудная потребность, рожденная на грани гибели.

Когда солнце вновь начало клониться к западу, окрашивая небо в тревожные багровые тона, Ратибор понял, что ночь принесёт новую бурю. Предчувствие сжимало сердце ледяной дланью. Навьи, отступившие утром, не смирились с поражением. Они ждали своего предводителя.

И он пришел.

Его появление не предварялось ни шёпотом, ни стуком. Одна из теней у края леса просто... сгустилась. Не в бесформенную массу, как у его подданных, а в чёткий, величественный и оттого ещё более жуткий силуэт. Он был высок, облачён в тёмные, будто вырезанные из самой ночи доспехи, которые не отражали света, а поглощали его. На плечах у существа лежал плащ из сплетённых теней и шёпота умирающих, колышущийся в такт беззвучному дыханию ветра. Но самое ужасное было в его лице. Вернее, том, что заменяло лицо.

Под шлемом, скрывающим черты, зияла вращающаяся, медленная спираль из пепла и праха, в глубине которой мерцали два уголька – крошечные, угасающие звёзды в чёрной пустоте. Это был Воевода Тлена.

Он не плыл, как его приспешники. Шёл. Поступь была тяжёлой и мерной, с каждым шагом земля за пределами круга словно бы выдыхалась, трава под ногами чернела и скручивалась, а воздух наполнялся запахом остывающего пепла и костей, пролежавших в земле тысячелетия.

Воевода остановился у самой границы, там, где накануне бежали синеватые искры. Его безликий взор упал на Рати-

бора, и тот ощутил, как что-то холодное и липкое ползёт по душе, пытаясь просочиться сквозь щели в воле.

«Маленький пожар в кругу камней», – прозвучал голос. Но это был не шёпот Навей. Этот голос был внутри самого разума Ратибора, глубокий, резонирующий, как скрежет тектонических плит. В нём не было ни злобы, ни голода. Лишь холодная, безразличная констатация. «Ты думаешь, что нашёл спасение? Новую игрушку?»

Богатырь молчал, сжимая кулаки, чувствуя, как ярь, только что усмирённая, снова закипает в ответ на давление.

«Ты ничего не нашёл», – продолжал Воевода, и в этот момент спираль из пепла вращалась чуть быстрее. «Ты лишь отстроил себе более крепкую клетку. Посмотри на себя. Стоишь за стеной, как испуганный зверёк, а мир снаружи умирает. Но ведь это ты принёс сюда смерть, не так ли?»

Из-за его спины, из лесной чащи, бесшумно выплыли десятки Навей. Они выстроились позади своего предводителя, безмолвная, послушная армия небытия.

«Ты – трещина», – голос Тлена был спокоен и ужасающе логичен. «Ты – дыра в ткани мира, через которую мы входим. Твоё проклятие – это не цепь на ногах. Это приглашение. Ты зовёшь нас своим страданием, болью, одиночеством. И мы откликаемся. Мы – твоё истинное наследие. След, который ты оставляешь на этом мире.»

– Я не звал вас! – выкрикнул Ратибор, и голос прозвучал неестественно громко в давящей тишине.

«Не словами», – парировал Воевода. «Ты зовёшь нас каждой каплей пролитой тобой крови. Каждой слезой твоей матери. Каждым вздохом твоей брошенной невесты. Твоё существование – это клич для всего гнилого, всего отжившего, всего, что жаждет покоя небытия. Ты пытаешься очиститься?» – Воевода медленно покачал головой, и пепельная спираль закружилась в причудливом, насмешливом танце. «Нельзя очистить саму грязь. Ты – осквернение. И чем ярче ты горишь, пытаясь стать чистым, тем больше теней отбрасываешь. Ты не стал защитником, мальчик. Ты лишь научился прятаться.»

Слова Тлена били точно в цель, в самое сердце сомнений Ратибора. Они были отравлены страшной, неопровержимой правдой. Да, он был причиной. Привлёк их сюда. Сила, даже направленная на защиту, была порождена тем же проклятием, что и эти твари.

«Посмотри на них», – Воевода простёр руку в сторону своих безмолвных воинов. «Они – твоё отражение. Такие же одинокие, голодные, вечные изгои. Разница лишь в том, что они приняли свою природу. А ты всё ещё цепляешься за призраки той жизни, которой больше нет. Присоединяйся к нам. Перестань бороться. Стань тем, кем являешься на самом деле. Частью нас.»

Искушение, исходившее от Тлена, было иным, нежели у Кикиморы. Та сулила забвение. Воевода же предлагал могущество. Принять свою сущность. Стать не жертвой прокля-

тия, а его повелителем. Возглавить эту армию тьмы. Перестать быть мишенью и стать охотником.

Ратибор смотрел на безликую маску существа, на армию теней, и видел в этом мрачном величии пустоту, более страшную, чем любая боль. Принять – означало перестать быть человеком. Окончательно и бесповоротно.

– Нет, – прошептал Богатырь, и сейчас в голосе не было прежней ярости. Лишь усталая, но несгибаемая решимость. – Я не часть вас. Я – живой. И пока жив, буду бороться.

Пепельная спираль Воеводы замерла на мгновение.

«Жалко», – прозвучал в разуме ледяной, безразличный вердикт. «Тогда мы заберём твою жизнь силой. И сделаем из тебя ещё одного слугу. Более сильного, послушного.»

Воевода поднял руку, и вся армия Навей замерла в готовности. Но атаки не последовало. Он просто стоял и смотрел. Тактика была иной. Он не собирался штурмовать круг. Тлен приходил, чтобы осадить изнутри. Слова Воеводы были семенами, брошенными в плодородную почву душевной раны Ратибора. И он знал – им суждено прорасти.

Ночь опустилась на лес, и Воевода Тлена не ушел. Остался стоять на страже у границы круга, неподвижный, как сама смерть, а его воины бесшумно патрулировали периметр. Они не пытались прорваться. Просто ждали, когда сомнения, страх и отчаяние сделают свою работу, когда защита камней ослабнет вместе с волей того, кто за ними укрылся.

Ратибор стоял лицом к лицу со своим отражением – тем,

кем он мог бы стать. И в этой тихой, безмолвной конфронтации не было места для ярости или слепой силы. Здесь была лишь воля. И он чувствовал, как ледяные щупальца сомнений, посеянных Воеводой, уже начали сжимать сердце. Битва за душу вступила в новую, опасную фазу.

Глава 16: Битва с Тленом

Ночь, что наступила вслед за явлением Воеводы, была нескончаемой. Она не была наполнена яростными атаками или осадным штурмом. Напротив была слишком тихой. Воевода Тлена не двигался, застыв у границы круга подобно изваянию, высеченному из чёрного обсидиана. Его безмолвное присутствие было страшнее любых угроз. Оно было гнетущим, неумолимым, как тиски, медленно сжимающиеся вокруг сознания.

Армия Навей не спала. Медленно, бесшумно двигаясь по периметру, бледные лики скользили во тьме, словно светлячки над болотом. Они не пытались прорвать барьер. Они были живым, дышащим ненавистью ожерельем, которым Воевода опоясал святилище. Шёпот, тот самый, что терзал Ратибора ранее, теперь умолк. Но тишина, которую существа хранили, была красноречивее любого нашептывания. Она как-бы говорила: «Мы никуда не ушли. Мы подождем. Мы можем ждать вечность».

Ратибор стоял в центре круга, спиной к тому самому менгиру, что некогда ответил ему светом. Он не мог сидеть, не мог расслабиться. Каждый нерв был натянут до предела. Богатырь чувствовал на себе тяжёлый, бездушный взгляд Воеводы, ощущал, как тот безглазый лик изучает каждую его мысль, каждую трещинку в его душевной броне. Слова, бро-

шенные им накануне, глухим эхом отзывались в его памяти.

Ратибор пытался загнать их в самый тёмный угол сознания, но они, как ядовитые корни, прорастали наружу, отравляя всё вокруг. А вдруг Воевода прав? Вдруг вся борьба – лишь самообман, жалкая попытка прикрыть свою истинную, гнилую суть? Вдруг, используя свою ярь, даже для защиты, он лишь удобряет почву для того зла, что привлёк?

Сомнения разъедали волю, словно кислота. Он чувствовал, как защита камней, прежде такая надежная, начинает казаться хрупкой. Что, если его собственное отчаяние способно разрушить барьер? Что, если Воевода и не собирался штурмовать – он ждал, когда Ратибор сам сдастся, сломленный тяжестью собственной судьбы?

И тогда, в самый разгар этой ментальной агонии, из тьмы за пределами круга донёсся звук. Стук. Тяжёлый, мерный, словно кто-то бьёт в погребальный колокол, но не металлический, а костяной. Это стучал посох Воеводы о затвердевшую, мёртвую землю.

С каждым ударом из тени перед ним начинали проявляться видения.

Вот он, юный Ратибор, впервые поднимает отцовский меч. Но вместо гордости на лице отца – ужас и отвращение. «Отрок, несущий гибель», – шепчет призрачный голос.

Вот поле битвы со степняками. Но теперь он видел не победу, а искажённые болью лица врагов, их немые проклятия, летящие в его адрес. «Падальщик, пожирающий чужие жиз-

ни».

Вот Светозар, но не гневный, а плачущий, простирающий к нему руки. «За что, чадо? Я ведь предупреждал...»

Вот Милана, её образ дрожал, как отражение в воде. Она смотрела на возлюбленного не с ужасом, а с бездонной жалостью. «Беги, Ратибор. Беги от самого себя. Ты несёшь только смерть.»

Это не были простые иллюзии. Воевода вытаскивал наружу самые тёмные, самые болезненные уголки памяти, тайные страхи и сомнения, и преподносил их как единственную и непреложную правду. Каждый образ был отравленным клинком, вонзающимся в самосознание. Ратибор видел себя не героем, не жертвой, а воплощением разрушения, идущим по миру и оставляющим за собой лишь пепел и слёзы.

– Это неправда! – закричал он, вцепившись пальцами в виски, пытаясь вырвать из головы эти навязанные картины. Но видения не исчезали. Они становились только ярче, реальнее.

«Правда – это то, что ты видишь», – прозвучал в разуме спокойный голос Воеводы. «Всё остальное – самообман. Прими это. И боль утихнет.»

Ратибор рухнул на колени. Давление было невыносимым. Он чувствовал, как воля трещит по швам. Соблазн сдаться, положить конец этой бесконечной борьбе, был почти осязаем. Просто... перестать сопротивляться. Принять свою судьбу изгоя, орудия разрушения.

И находясь в отчаянии, когда тьма уже готова была поглотить Ратибора целиком, он вспомнил ощущение от прикосновения к менгиру. Тот ровный, спокойный свет. Силу, что была не разрушением, а защитой. И голос Лешего: «Слушай землю.»

Богатырь не просто вспомнил, а попытался повторить. Упёршись ладонями в холодный мох, он закрыл глаза и постарался пробиться сквозь шквал видений и голосов к тому самому ритму, пульсу земли, что спас его от Навей.

И он услышал. Но не только его.

Сквозь гул в собственной голове Ратибор уловил нечто чужеродное. Слабый, фальшивый, надломленный звук. Как будто одна струна в великом оркестре мироздания была расстроена и визжала, нарушая гармонию. Этот звук исходил не от Воеводы и не от Навей. Он исходил... из-за спины Воеводы. От одного из дальних менгиров, стоявших за пределами круга, почти у самой опушки леса.

Ратибора осенило. Леший говорил, что всё в лесу связано. У всего есть своё место. Воевода, это существо чистой энтропии, не мог просто так стоять в мире живого леса. Ему нужен якорь. Точка опоры, через которую он черпает силу и поддерживает свою физическую форму в Яви. И эта точка... была осквернена. Тот самый менгир, от которого исходил фальшивый звук, был его якорем! Воевода не просто пришел сюда – он построил себя в самую защитную систему этого места, извратил её часть, превратив в опору для своего

существования.

Эта мысль пронзила тьму отчаяния, как молния. Это была не надежда на спасение. Это была тактическая находка. Цель.

Ратибор медленно поднялся на ноги. Видения ещё кружились перед ним, голоса шептали, но теперь он знал, что они – лишь дымовая завеса, призванная скрыть уязвимость врага. Богатырь больше не смотрел на Воеводу. Смотрел сквозь него, на тот тёмный, искажённый менгир вдали.

– Ты ошибся, – уверенно сказал Ратибор, и голос, хриплый от напряжения, прозвучал с новой, стальной твёрдостью. – Ты сказал, что я – трещина. Но трещина может быть и в твоёй броне.

Он сделал шаг вперёд, к границе круга. Воевода, почувствовав изменение в его настроении, чуть склонил голову. Пепельная спираль на «лице» закружилась быстрее.

– Ты прячешься за чужими страхами, – продолжал Ратибор, нащупывая внутри себя ярь. Но на сей раз он вёл её не как слепой поток, а как отточенное жало. – Потому что сам ты – ничто. Пустота, которой нужен чужой якорь, чтобы существовать. И я знаю, где он.

Он воздёл руку, но не к Воеводе, а к тому, осквернённому менгиру. Ратибор сконцентрировал всю свою волю, всё своё существо на одной задаче – не защититься, не отразить, а ударить. Очистить.

– Я не буду с тобой бороться, тварь, – прошипел он. – Я

просто уберу подпорку, на которой ты стоишь.

И он выпустил ярь.

Это был сконцентрированный, тонкий, как игла, луч чистого, солнечного света, вырвавшийся из ладони. Он не стремился разрушить камень. Нужно было исцелить. Выжечь скверну, которую впустил Воевода.

Луч, словно живой, помчался через поляну, пронзил строй Навей, заставив их отпрянуть с визгом, и ударил в тёмный менгир.

На мгновение показалось, будто ничего не произошло. Потом камень затрещал. Из его глубины вырвался чёрный клубок, прозвучал отчаянный визг – тот самый фальшивый звук, но теперь умноженный в сто раз. По поверхности менгира поползли чёрные прожилки, пытаясь удержаться, но луч Ратибора был неумолим. Он впивался в самую суть осквернения, и под его воздействием тьма начала отступать, таять, словно иней под утренним солнцем.

Воевода Тлена издал первый за всё время звук – не в разуме, а наяву. Глухой, яростный рёв, полный боли и изумления. Его собственная фигура задрожала, стала прозрачной. Он тянулся к своему якорю, но было поздно.

С последним отчаянным треском осквернённый менгир очистился. Его поверхность вспыхнула ровным, белым светом, идентичным свету других камней. Фальшивый звук исчез, сменившись мощным, чистым гулом, вливающимся в общий хор святилища.

Воевода Тлена не исчез. Он отпрянул в тень леса, его форма расплылась, потеряв чёткость. Но вместо того, чтобы раствориться, тьма, из которой он был соткан, начала сжиматься, уплотняться. Рык стих, сменившись тихим, полным ненависти шипением. И из этого шипения, из клубов чёрного дыма, выкристаллизовалась новая, ужасающая форма.

Он обрёл плоть. Вернее, её подобие. Это был высокий, сторбленный воин в доспехах, выкованных из почерневшего, проржавевшего веками металла. Из-под шлема не было видно лица – лишь две точки холодного, фиолетового огня, пылающие в крошечной тьме. В его руке был зажат меч, больше похожий на обломок косы, испещрённый язвами и ржавчиной. От фигуры веяло могильным холодом и мощью, лишённой всякой жизни.

И он стоял внутри круга.

На мгновение разум Ратибора отказался верить в происходящее. Как? Защита камней была нерушимой! Но ответ пришёл сам собой, жгучим и ясным: осквернённый менгир был не просто якорем. Пока он был связан с Воеводой, он служил ему воротами. Брешь в неприступной стене, через которую тлен мог просочиться в самое сердце святилища. Теперь, лишённый опоры, Воевода тратил последние силы, чтобы удержать эту физическую форму здесь, внутри, прежде чем его окончательно изгонят.

– Ты отнял у меня дом, червь! – голос гремел уже не в сознании, а в ночном воздухе, хриплый и металлический. –

Теперь я отниму у тебя всё!

Тлен ринулся вперёд. Движение было неестественно быстрым, порывистым, будто кукла на нитках. Меч-коса с свистом рассекал воздух, стремясь достичь головы Ратибора.

Тот едва успел отскочить, чувствуя, как леденящее лезвие опалает кожу на щеке. Он был истощён битвой воли, ярь едва теплилась внутри. Против был опытный, яростный воин, пусть и рождённый из тлена.

Ратибор отступил, уклоняясь от следующего удара. Бой был жестоким и неистовым. Воевода не знал усталости, не ведал страха. Рубил, колол, наносил удары с яростью загнанного в угол зверя. Ратибору приходилось полагаться лишь на свои боевые инстинкты и на растущую ярость от осознания, что эта тварь, это порождение его вины, посмело обрести форму и бросить ему вызов.

Он пропустил удар. Обломок косы скользнул по плечу, оставив глубокую, жгучую рану. Боль, острая и реальная, всколыхнула в нём ту самую, дикую ярь. Она вспыхнула неконтролируемым пожаром. С рыком, в котором смешалась боль и ярость, Богатырь ринулся вперёд.

Кулак, пылающий золотым огнём, встретился с ржавыми доспехами Воеводы. Раздался звук, похожий на удар молота по наковальне. Тлен отлетел на несколько шагов, на его кирасе осталось опалённое, дымящееся пятно.

– Ты говорил о силе?! – крикнул Ратибор, наступая. – Вот она!

Он обрушил на Воеводу град ударов. Это была не техника, не выверенное искусство воина. Первобытная, ярая мощь, вырвавшаяся на свободу. Каждый удар пылающих кулаков отбрасывал тварь назад, заставляя её доспехи трещать и плавиться. Ратибор чувствовал, как собственная сила сжигает его изнутри, но не мог остановиться. Это было олицетворение его гнева, боли, отчаяния.

Воевода, объятый пламенем яри, отчаянно отбивался, его форма снова начала расплываться. Физическое воплощение требовало слишком много сил, которые он уже потерял вместе с якорем.

С последним, отчаянным усилием, Ратибор собрал всю свою ярь в единый сгусток и с громовым рёвом выпустил её вперёд. Золотой шар света ударил Воеводу в грудь и отшвырнул за пределы каменного круга.

Тварь рухнула на землю. Её доспехи рассыпались в прах, а форма окончательно распалась на клубы чёрного, бесплотного дыма, который стал быстро рассеиваться в ночном воздухе.

«Это не конец...» – донёсся до Ратибора измождённый, но всё ещё полный угрозы голос уже из самой тьмы леса. «Это лишь отсрочка... Мы встретимся снова... На твоём пути... И следующая наша встреча... станет для тебя последней...»

С этими словами фигура окончательно растворилась в ночи. Вслед за ним, словно по мановению невидимой руки, ис-

чезли и Навьи. Давление спало. Ночь снова стала просто ночью – тёмной, но не враждебной.

Ратибор стоял, тяжело дыша, его рука всё ещё была вытянута вперёд. Он победил не силой, а пониманием. Нашёл слабость врага и поразил её.

Глава 17: Камень Судеб

Тишина, воцарившаяся после исчезновения Воеводы Тлена, была глубокой, очищенной, подобной воздуху после грозы. Давление, что сжимало виски и студило кровь, исчезло, уступив место лёгкой, почти головокружительной пустоте. Ратибор встал на колени, опёршись ладонями о холодный, живой мох, и слушал. Слушал, как лес вокруг медленно возвращается к своей нормальной жизни: где-то далеко кричала сова, утверждая свои права на ночь, шелестел в траве пробегающий зверёк. Эти звуки, простые и естественные, были музыкой победы, тихой, но несомненной.

Он поднял голову и посмотрел на тот самый менгир, что стал якорем Воеводы. Камень больше не светился тем зловещим, фальшивым светом. Но что-то в нём было необычно. Казалось, очищение не просто вернуло первоначальное состояние, а закалило, наделило новой силой. Воздух вокруг слегка вибрировал, и руны на поверхности, прежде лишь угадываемые, теперь проступили ярче, глубже, словно наполненные изнутри жидким лунным серебром.

Ратибор медленно поднялся на ноги. Адреналин, подпитывающий в яростной схватке, отступил, и на смену ему хлынули боль и истощение. Глубокий порез на плече, оставленный ржавым клинком Тлена, пылал огнём, а измождённые мышцы ныли и дрожали. Он сделал шаг к центральному

менгиру, и тело пронзила судорога, заставившая споткнуться. Ратибор шёл, почти падая, движимый лишь остатками воли и смутным ощущением, что камень зовёт его.

Богатырь остановился перед ним, ощущая исходящее от камня тепло – не физическое, а энергетическое, похожее на излучение раскалённого на солнце валуна. Камень словно бы пел, издавая неслышимый уху, но ощутимый душой гул, мощный и стабильный. Рука сама потянулась вперёд, повинаясь неосознанному импульсу, зову, что исходил от менгира. Не направляя свою ярь, не концентрируясь. Просто дотронуться.

Ладонь, окровавленная и в царапинах, легла на шершавый камень. В ту же секунду рана на плече вспыхнула пронзительной, почти невыносимой болью, будто клинок Тлена вонзился в него снова. Но сквозь эту боль пробился поток знания, света, видений... Он рухнул на колени, и крик слился с гулом пробуждающегося менгира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.